

Андрей Шаргородский

ЦИРРОЗ СОВЕСТИ

РОМАН
ПРОЗА

Андрей Вадимович Шаргородский

Цирроз совести (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25918253

Шаргородский А. В. Цирроз совести. Сборник: Т/О «НЕФОРМАТ»; 2017

ISBN 9781386402664

Аннотация

Софи Мюллер нездоровилось. Температура не спадала, а сердце тревожно билось в груди. Плохое предчувствие выдавали холодные ноги, которые сильно потели. Это происходило всякий раз, когда где-то рядом возникал он. Со дня свадьбы, в том далёком 1924 году, до дня рождения дочери, в 1936 году, у неё никогда не было никаких чувств к этому человеку. Но именно рождение дочери стало причиной их развода. И дело было совсем не в его любовнице, смазливой личной секретарше Барбаре Хельмут. Дело было в том, что оберштурмбанфюрер СС Генрих Мюллер не мог иметь дочку с ярко выраженными монголоидными чертами лица.

Содержание

Об авторе	5
Цирроз совести. Роман	9
Часть первая	9
Глава первая. Пригород Мюнхена. Ноябрь 1967 года	9
Глава вторая. Винница. Июнь 1941 год	12
Глава третья. Винница. Апрель 1943 года	15
Глава четвёртая. Берлин. Сентябрь 1963 года	19
Глава пятая. Умань. 11 марта 1944 года	21
Часть вторая	25
Глава первая. Швейцария. Ноябрь 1967 год	25
Глава вторая. Пригород Вены. 13 апреля 1945 года	29
Глава третья. Берлин. 13 апреля 1945 года	34
Глава четвёртая. Винница. 13 апреля 1945 года	38
Часть третья	43
Глава первая. Швейцария. Ноябрь 1967 года	43
Глава вторая. Берлин. Конец апреля 1945 года	47
Глава третья. Москва. Сентябрь 1945 года	51

Глава четвёртая. Австрия. Пригород Вены.	54
Ноябрь 1945 года	
Глава пятая. Винница. 1981 год	57
Часть четвёртая	62
Глава первая. Вена. 1981 год	62
Глава вторая. Орёл. 1992 год	67
Глава третья. Вена. 1993 год	70
Глава четвёртая. Пайербах. 1993 год	74
Глава пятая. Хохфильцен. Февраль 2017 год	77
Эпилог	81
Ангела Доротея Адольфовна Шикельгрубер – Ротшильд	82
Глава первая	82
Глава вторая	86
Глава третья	89
Глава четвёртая	92
Глава пятая	96
Глава шестая	99
Метаморфозы промежности. Роман	104
Глава первая	104
Глава вторая	109
Глава третья	113
Глава четвёртая	118
Глава пятая	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Андрей Шаргородский

Цирроз совести. Сборник

Об авторе

Андрей Шаргородский
Краткая биография

Шаргородский Андрей Вадимович – родился в 1960 году в городе Ухта, Россия. Образование высшее. Писатель. Жил и работал в Тюменской, Орловской, Винницкой и Харьковской областях. Автор пяти книг, которые издавались в России, Украине и Канаде. Его произведения опубликованы в десятках литературных изданий и сборников. Неоднократный лауреат и дипломант различных международных конкурсов. Шаргородский А. В. член Российского и Интернационального Союзов писателей, член Международного Союза писателей «Новый Современник». Награждён медалью Московской литературной премии – 2015. Обладатель Гран-при Международного фестиваля «Ялос-2016». В 2016 году его книга «Начнём с конца» была признана лучшей книгой в серии «Современники и Классики». Награждён в 2016 году дипломом за второе место на первом международном конкурсе А. И. Куприна. Обладатель бронзового диплома «Российского колокола» 2015 и серебряного диплома 2016 г. Обладатель специальной премии фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За крупный вклад в развитие современной литературы и творческую инициативу». Почетный лауреат Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье 2016 года, обладатель «Жемчужного Дюка». Обладатель третьего места Международного Творческого конкурса имени Гомера – 2016. Лауреат 2 степени Московской

литературной премии – 2016. Награждён медалью международного литературного конкурса им. Мацуо Басё. Кавалер медали международного литературного конкурса им. С. Я. Надсона. Обладатель Гран-при Международного фестиваля «Ялос-2017».

Цирроз совести. Роман

Часть первая

Глава первая. Пригород Мюнхена. Ноябрь 1967 года

Софи Мюллер нездоровилось. Температура не спадала, а сердце тревожно билось в груди. Плохое предчувствие выдавали холодные ноги, которые сильно потели. Это происходило всякий раз, когда где-то рядом возникал он. Со дня свадьбы, в том далёком 1924 году, до дня рождения дочери, в 1936 году, у неё никогда не было никаких чувств к этому человеку. Но именно рождение дочери стало причиной их развода. И дело было совсем не в его любовнице, смазливой личной секретарше Барбаре Хельмут. Дело было в том, что оберштурмбанфюрер СС Генрих Мюллер не мог иметь дочку с ярко выраженными монголоидными чертами лица.

Всякий раз, когда он встречался с ней, он был приветлив, и проявлял заботу. Даже поражение Германии и его бегство из страны не мешало ему видеться с дочерью хотя бы раз в год. Сегодня она почувствовала, что он где-то рядом.

В палату зашла сестра.

– Вам звонили из полиции и сообщили, к вам в квартиру забрались воры.

– Что-то украли?

– Нет! Их задержали! Так что скоро к вам приедут из полиции.

– Хорошо! Я буду ждать.

Дверь закрылась. Спать ей не хотелось. Она уже знала, что единственная цель грабителей были бумаги из её личного архива, за которыми уже давно охотился «Моссад». И она не ошиблась.

Задержанных было двое. Граждане Гордон и Шор объяснили полицейским, что они охотятся за Мюллером, чтобы отомстить за своих родственников, которых он замучил в гестапо. В главном управлении полиции Мюнхена быстро разобрались что к чему, и агентов распознали. Тем более, что месяц назад эти же люди засветились за слежкой квартиры, в пригороде Мюнхена на улице Манцингер, 4. Тогда в семье Мюллер был семейный праздник, на котором присутствовала Элизабет с мужем. Всё было как обычно, но на этом же празднике присутствовал ещё один человек. Никто ничего о нём не знал.

Позже агент «Моссад» Цви Малхин признает, что именно тогда они упустили Мюллера.

На допросе он сообщит следующее: «До операции нам раздали фотографии всех родственников Мюллера. Мы их

засекли и всех опознали. Однако один человек остался нами не опознан. Он вышел из дома и направился ловить такси. Я ещё подумал, что это скорее всего военный, так как у него была характерная походка. Когда наш сотрудник направился за ним, мы остались наблюдать за окнами квартиры на втором этаже, откуда слышались песни. Когда гости разошлись, и мы вернулись на явочную квартиру, то сотрудника, который отправился за тем человеком, там не было. Не появился он и на следующий день. Наша операция предполагала смену квартиры, и мы съехали с той явки. Больше этого сотрудника мы не видели. Когда мне позже показали фотографию Генриха Мюллера, я его опознал его в том человеке, который покинул дом Софи Мюллер».

Почему фотографию Мюллера им не показали перед операцией, остаётся до сих пор большим вопросом. Так же не ясна судьба высокопоставленного сотрудника «Моссад», который отправился следить за Мюллером.

Вышедшая через три дня из больницы Софи Мюллер, после осмотра квартиры подтвердила, что ничего не пропало. В протоколе от 5 ноября 1967 года факт проникновения в квартиру был зафиксирован, однако в нём ни слова не было о предполагаемых грабителях.

Слухи об этой истории ещё долго будоражили жителей Мюнхена, поэтому бывшей жене группенфюрера СС пришлось уехать жить к дочери Элизабет и зятю Карлу Зинбак.

Глава вторая. Винница. Июнь 1941 год

24 июня я встал рано и начал искать подарки. Мне исполнилось пять лет! Я подслушал разговор папы с мамой и понял, что они приготовили мне в подарок самокат. То, что война была уже рядом и грохот от разрывов становился всё ближе и ближе, было не важно! Важно было только то, что теперь я смогу кататься на новеньком самокате вместе со всеми ребятами нашего двора.

– Вадимчик! – услышал я голос мамы за дверью. – Ты где?

Я быстро спрятался под кровать и затих. Мне было видно, как мама открыла дверь и тихонько зашла, думая что я сплю. Папа следом занёс самокат. Выдержать и не закричать от радости я уже не смог.

– Ура! – заорал я как не нормальный и выскочил из-под кровати.

– С днём рождения, сынок! – сказал отец и обнял меня крепко-крепко.

Если бы я знал тогда, что это будет последние объятия с отцом! Если бы я знал, что больше его уже никогда не увижу! Если бы я знал!

В тот же день его арестовали по делу о безосновательных массовых репрессиях в Винницкой области в 1937–1938 годах. Он служил в НКВД заместителем начальника 3-го отдела Винницкого УНКВД. Начальник Винницкого НКВД Ко-

раблёв и начальник 3 отдела Запутряев в 1940 году были арестованы и их приговорили к расстрелу. В отношении моего отца началось расследование, и его арестовали именно в мой день рождения, 24 июня 1941 года. Мама и старшая сестра плакали, а мне говорили, что папу забрали на фронт.

Все ждали, что в Винницу скоро войдут немцы. Кто-то пытался убежать в Киев, кто-то к родственникам в деревню. Нам некуда было бежать, так как все наши родственники и знакомые отвернулись от нас в связи с арестом отца. Тем более что бабушка была больна и плохо ходила. Мама решила остаться.

Каждый день грохот орудий и взрывы снарядов становился всё ближе. Мама посылала нас на брошенные огороды собирать молодую картошку и кабачки. Всё это богатство мы прятали в потайной погреб.

20 июля в Винницу вошли немцы. Первые дни мы прятались, но потом я стал бегать в город и смотреть, что там происходит. Ужасы от увиденного до сих пор не дают мне спать. Еврейские семьи расстреливали прямо возле их домов. Просто выводили всех, ставили к стенке и стреляли. Трупы грузили на повозки и вывозили за город. Но самое страшное было впереди.

19 сентября в городе прошли облавы. Хватали всех, кто не успел спрятаться. Людей, которые хоть немного были похожи на евреев, выгоняли из домов и выводили на улицы. Всех, кто был схвачен, расстреляли. В тот день было уничтожено

около десяти тысяч мирных граждан.

Мы сидели в доме и никуда не выходили. В один из дней к нашему дому подъехала машина. Мама стала нас обнимать и плакать, решив, что это конец. В дом вошёл солдат с автоматом. Пройдя по комнатам, он вышел и что-то сказал сидевшему там офицеру. Тот вышел из машины и зашёл в дом.

– Здравствуйте! – сказал он на чисто русском языке. – Можете меня не бояться! Я буду у вас жить здесь, – он показал на большую комнату, где спали бабушка с мамой, – а вы будете жить там! – он показал на детскую комнату. – Каждый день я буду вставать в семь утра и завтракать. Вечером у меня должен быть готов ужин и чистая постель. Когда я буду здесь, то в доме должна быть тишина! Понятно?

– Да, господин офицер! – сказала мама.

– Хорошо! Если всё будет так, как я сказал, у вас всё будет нормально! К вечеру моя комната должна быть готова, а ужинать я буду с двумя другими офицерами. Стол накроешь к восьми часам! – Он пристально посмотрел маме в глаза. – Понятно?

– Да! – Ответила мама.

Он повернулся и вышел. Солдат занёс огромный чемодан и убежал.

Вечером они ужинали, а мы сидели в сарае на улице. Мама зарубила им курицу и приготовила всяких салатов. Когда офицер проводил своих гостей, мама убрала со стола и принесла нам то, что недоели немцы. Кушать было противно, но

голод давал о себе знать.

Так мы начали жить по-новому. Офицер приносил консервы, сахар и крупы. Не могу сказать, что мы стали жить хуже. Даже наоборот. Только мы с сестрой стали замечать, что немец стал проявлять знаки внимания к нашей маме. Иногда он приносил шоколад. Один раз принёс виноград. А потом он приказал бабушке забрать нас и уйти из дома до утра. Уходя, мы заметили, как на столе появилась бутылка вина. Мама стояла с опущенными глазами, а он зажёл свечу на столе.

Глава третья. Винница. Апрель 1943 года

Когда Генрих Вайс увидел три золотых кольца, он понял, что сегодня ничто не сможет ему испортить настроение. Даже огромный риск его уже не мог остановить. Он поставил подпись и позвал охранника.

– Гельмут! Вот постановление об освобождении этой, – тут он намерено сделал паузу, чтобы внимательно прочитать фамилию, которую уже знал наизусть, – Ларисы Ратушной. Там её ждут! Так что можешь её выводить.

Позже он уничтожит все следы её пребывания в лагере, чтобы на него не могло упасть малейшее подозрение. Но сейчас! Сейчас он любовался красивым колечком, которое ему передали подпольщики, чтобы выкупить Ларису.

Через час она была уже далеко, и с новыми документами

на имя Луки Степко. И только тогда она осознала, что всё позади, и ей стало безумно страшно. Вспомнился тот первый бой под Наро-Фоминском, где её захватили в плен. Вспомнились неудачные побеги и долгожданная свобода после удавшегося побега. Вспомнился долгий путь домой, когда каждая тень, каждый голос бросал её в дрожь. Долгие поиски подпольщиков, которые её долго проверяли, тоже невозможно было забыть. И тот арест на свечном заводе, и чудесное освобождение из концлагеря говорили ей о том, что смерть совсем близко. И от этого ей становилось страшно.

Но ничто не могло её остановить. В мае 1943 состоялась та встреча, которая подписала ей смертный приговор.

Её пригласил к себе в гости красивый фельдфебель Курт Розенберг. Он служил в интендантских войсках, а ей нужно было раздобыть сведения для партизанского соединения. Они познакомились, и он позвал её с ним поужинать. Хорошо зная немецкий, Лариса быстро нашла с ним общий язык и кокетливо согласилась. Когда машина подвезла их к невзрачному домику возле вокзала, она не сразу поняла, что ужинать придётся здесь. Проводив её в дом, Курт познакомил её с хозяйкой. Лена посмотрела на неё с презрением, но ничего не сказала. Сев за стол, Курт неожиданно на чистом русском позвал хозяйку.

– Лена, присаживайся с нами!

Лена вышла в платье и присела рядом с Куртом.

– Вы так хорошо разговариваете на русском! Где вы на-

учились, Курт? – от неожиданности произнесла Лариса.

– Лариса!

– Я не Лариса! Вы меня с кем-то перепутали! – Лариса встала.

– Сядьте! – приказал Курт. – Вас разве не учили, что резких движений делать нельзя ни при каких обстоятельствах? Если конечно вы не хотите получить пулю в лоб.

Лариса медленно опустилась на стул.

– Ваши документы не выдерживают никакой критики! Вы попадёте на первой же проверке!

– Лариса! Мы знаем откуда вы и как вы бежали из лагеря! – Лена пристально посмотрела ей в лицо.

– Мало того, мы специально устроили эту встречу, чтобы серьёзно поговорить. – Курт налил вина. – Давайте выпьем за встречу, а потом всё спокойно обсудим.

Лариса молча выпила и судорожно размышляла: «Что это? Проверка? Тогда почему тут? И при чём здесь эта женщина?»

– Эта женщина, – как бы читая её мысли, продолжил Курт, – хозяйка квартиры, где я живу. И ещё: для всех, в том числе и для её родных, она моя любовница. Её муж в сорок первом был арестован НКВД и судьба его неизвестна. Скорее всего, его расстреляли. Именно поэтому я здесь и наши отношения являются своеобразной ширмой. Теперь о вас, Лариса.

– К чему весь этот маскарад? Зачем вы меня сюда привез-

ли? – Лариса не могла сдерживать слёзы.

– Лариса, маскарад здесь устраиваете вы. Не надо этих слёз, не надо вопросов. Я всё сейчас вам расскажу. Мы получили задание из центра связать Винницкое подполье с партизанским соединением. И именно поэтому вы здесь!

– Я не понимаю о чём вы говорите, – Лариса смахнула слёзы. – Вы меня с кем-то путаете!

– Не могу я вас с кем-то путать, Ляля Ратушная! Не имею права! Потому что Иван Васильевич Бевз настоятельно рекомендовал именно вас в качестве связной. Вам даже позывной придумали – «Звёздочка»! Нравиться?

– Как мне вас называть? – Лариса пристально посмотрела ему в глаза.

– Я обычный фельдфебель интендантской службы Курт Розенберг. Так и называйте! А Лену называйте Леной! А мы вас будем называть так, как будет написано в ваших новых документах, которые вы завтра заберёте здесь, у Лены. Больше никаких вопросов! Все инструкции Лена вам завтра тоже передаст. Связь – только через неё. Только Иван Васильевич, вы и Лена знаете, что я не тот за кого себя выдаю. Поэтому любое упоминание обо мне из ваших уст будет означать мою гибель. И последнее: давайте ужинать! Я просто умираю от голода!

Глава четвёртая. Берлин. Сентябрь 1963 года

– Итак, господа, начнём! – седой пожилой немец в плаще и шляпе махнул рукой.

К могиле подошли шестеро мужчин в спецодежде и марлевых повязках на лицах. Они стали быстро откидывать землю. Очень скоро табличка, стоящая на могиле начала падать. Один из работников подхватил её и отнёс к стоящим неподалёку людям. Это были члены комиссии, выполнявшие надзор за выполнением распоряжения прокуратуры Западного Берлина. Распоряжение это предписывало провести эксгумацию трупа, находящегося в этой могиле. Данное решение было вынесено по настоянию Западногерманского центра по выявлению нацистских преступников. Именно этот центр получил информацию о том, что Генрих Мюллер, шеф гестапо, не погиб в уличных боях в Берлине, в мае 1945 года, а спокойно живёт и работает в одной из стран антигитлеровской коалиции. Поэтому и было вынесено такое решение, чтобы убедиться, что в данной могиле на Кройцбергском военном кладбище в Западном Берлине покоится тот, имя которого указано на табличке.

Один из членов комиссии показал фотографу, чтобы он запечатлел сваленную табличку. Позже этот снимок будет фигурировать в заключение экспертов, которые подтвердят,

что надпись на могиле содержала следующий текст: «Здесь покоится Генрих Мюллер, который родился 28 апреля 1900 года, погибший в уличных боях в Берлине, в 1945 году».

Позже извлечённые останки будут описаны, сфотографированы и отправлены на патологоанатомическую экспертизу.

Заключения патологоанатомов шокировали весь мир. В частности в этом заключении было сказано, что в могиле находилось тело не одного, а сразу трёх человек. Но самое главное было не это. Далее специалисты утверждали, что ни одни останки не принадлежат Генриху Мюллеру! Так же в материалах заключения экспертов значится, что на основании именно этого захоронения было выдано свидетельство о смерти Генриха Мюллера за № 11 706/45.

– Всё понятно, что ничего не понятно! – проронит президент США Джон Кеннеди, и через несколько недель его застрелят.

– Прекрасно! – заявит премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан и через несколько недель уйдёт в отставку, так как у него диагностируют рак.

– Ни хрена себе! – скажет Никита Хрущёв, и через год его выкинут из политбюро, когда он будет в отпуске.

И только сам Мюллер улыбнётся и скажет: «Значит, буду долго жить!» После этого нальёт себе рюмку водки и, опрокинув её одним залпом, примется рассматривать старые заметки. Его немецкая педантичность помогла ему собрать

ценнейший архив, в котором помимо тайн и секретов немало место было уделено и его собственной персоне. Целые тома вырезок из газет, наградных документов и просто интересной информации о себе частенько поднимали ему настроение в минуты грусти и депрессии. Проглядывая их сегодня, он нашёл то, что искал. Старая газетная вырезка гласила: «В августе 1945 года на территории Министерства авиации был обнаружен труп в форме группенфюрера СС, и удостоверение на имя Генриха Мюллера. Захоронение этих не идентифицированных останков состоялось 17 сентября 1945 года. Труп привезли на кладбище Берлин-Нойкельн и захоронили в одиночной могиле».

– Значит, буду долго жить, – повторил он и посмотрел на полупустую бутылку.

«Быть, или не быть? Пить, или не пить? – рассуждал он, – Не буду! Раз решил долго жить – значит надо меньше пить! Что-то сегодня у меня поэтическое настроение! Старость! – побурчал он и пошёл устраиваться в своё любимое кресло.

Глава пятая. Умань. 11 марта 1944 года

Когда Андрей Никитович Слепнёв открыл глаза, то на небе уже появились звёзды. Последний месяц он их не видел. Ожесточённые бои, которые вёл Второй Украинский фронт, настолько всех измотали, что люди не выдерживали и падали на холодную, пусть и весеннюю землю. После освобожде-

ния Кировограда все силы были брошены на Умань. И вот теперь, когда бои закончились и город перешёл под контроль наших сил, все надеялись на передышку.

Андрей подкинул дров и сел поближе к костру. Глядя в огонь, он вспомнил все свои мытарства за последние три года. Когда после ареста 24 июня его перевезли в Лукьяновское СИЗО, он уже решил, что это конец. Однако следователь не спешил с передачей материалов, и это его спасло. Угроза взятия Киева заставила руководство отправить всех задержанных в знаменитый сталинский Ухтпечлаг, в республику Коми. Там их всех поселили в бараки и бросили на заготовку топлива. Родине и армии нужен был уголь и лес. Их приводили с работы в десять вечера, а в пять утра звучала команда «Подъём!» Умиравших хоронили каждый день десятками. От голода постоянно кружилась голова. Но он понимал, что любой ценой нужно выжить.

В очередной раз, когда он обратился к руководству отправить его на фронт, капитан Нестеров ему ответил, что он ещё не осужден.

– Тебе надо признать свою вину! И когда решение суда вступит в законную силу – вот тогда можешь проситься в штрафбат, искупить кровью свою вину.

– Но я же невиновен! Вы же видели материалы дела! Против меня даже не выдвинуто обвинение! Только донос!

– Понимаю тебя, гражданин Слепнёв, но помочь ничем не могу!

И всё-таки он вырвался из лагеря. В конце октября 1943 года к ним прибыл представитель генерала Конева и объявил о том, что приказом ставки Главного командования создан Второй Украинский фронт. Все желающие, готовые кровью искупить свою вину будут сегодня же освобождены и направлены в район боёв. Желающих было немного, но Андрей понял, что это его шанс. Он сделал два шага вперёд.

– Фамилия?

– Слепнёв Андрей Никитович, лейтенант НКВД.

– Статья?

– Ещё не было суда!

– Как так? Почему тогда в лагере?

Андрей увидел, как начальник особого отдела что-то шепчет представителю Конева на ухо.

– Ну и что? – удивился полковник. – Я его забираю!

– Товарищ полковник, без решения суда нельзя! Вы меня понимаете?

– А вы меня, товарищ капитан, понимаете? Мне через месяц Умань надо брать! И кто у меня командовать будет, а? Может быть вы? Слепнёв!

– Я, товарищ полковник!

– Командуй взводом! Быстро получить обмундирование и паёк на три дня! Через час построение возле штаба! Бегом, марш!

Так он попал на войну. Он очень хотел написать домой, сообщить, что он жив, но начальник штаба его отговорил.

– Винница в оккупации. Письмо не дойдёт. И ещё, ты же знаешь – нам писать нельзя. Вот искупим, тогда и пиши. А может мы ещё сами будем Винницу брать!

Сейчас, лёжа возле костра, он хотел только одного – увидеть своих детей и жену. И представив то, как он войдёт в дом и их обнимет, окончательно его успокоило, и он заснул.

Не знал тогда красноармеец Слепнёв Андрей Никитович, что при освобождении Жмеринки остатки его взвода будут захвачены в ходе контратаки немецких частей. Не знал он также, что потом, через неделю, их освободят партизаны под Каменец-Подольском. И никак он не мог предположить, что опять окажется под арестом.

Всё это будет потом, а пока ему снился сынок Вадим на самокате, дочка Валечка и жена Лена, которая тоже спала и не знала, что между ними всего-то было каких-то сто километров.

Часть вторая

Глава первая. Швейцария.

Ноябрь 1967 год

– Снимайте уже этот чехол с головы! – сказал Мюллер, усаживаясь поудобнее в кресле возле камина. – Всё уже позади и мы можем спокойно поговорить.

Он подождал пока собеседник скинет накидку.

– Напомните, мне как вас теперь зовут?

– В последний раз я уходил от ваших псов под именем Курта Розенберга.

– Да, да! Помню! Вы тогда неплохо провернули операцию по проникновению на объект «Вервольф». Жаль, но все ваши усилия и жертвы были зря!

– Не думаю, герр Мюллер.

– Вы сейчас ко мне обратились в форме «герр». Я в некоторой растерянности. Вы имели ввиду господин Мюллер, или вы обращаетесь ко мне, как принято в иудаизме к мужчине, который принял гиюр?

– Вы всегда умели тонко намекать на то, что вас в данный момент времени интересует больше всего.

– Мне нравится, что вы меня понимаете с полунамёка. Итак, Курт?

– Да, называйте меня Курт!

– Хорошо! Как вам всё-таки удалось от меня ускользнуть тогда в Виннице? Ведь ваша связная была под колпаком! Как её звали... Лера, Лара, Ляля, да! Ляля Ратушная!

– Всегда завидовал вашей памяти!

– Ну, не скромничайте, Курт! Вы тоже никогда не страдали склерозом! И всё-таки? Вы ушли с помощью партизан?

– Да! Там была сильная подпольная организация, которая и сделала всё возможное, чтобы я исчез.

– А фейерверк при доставке боеприпасов в декабре сорок третьего – тоже ваших рук дело?

– Да! Но об этом знало всего два человека. Как вам удалось?

– Гер Курт! Вы же понимаете, что когда ваши люди убили Лялю Ратушную перед приходом ваших войск, то нашёлся человек, который предварительно с ней побеседовал. И она ему рассказала очень много интересного.

– О чём это вы?

– Да о том же, о чем и вы!

– Наши люди Лялю не убрали!

– Правильно! Её убрали человек из центра. Так как вас уже планировали вести дальше! А Ляля много знала и могла взболтнуть чего-то лишнего! Ведь и вам тогда не приходило в голову, что вы будете стоять у истоков могущественной разведки «Моссад»? Или не так?

– Я не знаю, что вы тут для меня приготовили, поэтому я

не могу быть с вами также откровенным, как и вы со мной!

– Курт! Бросьте валять дурака! Всё вы прекрасно понимаете! И ваше исчезновение из Винницы и таинственная смерть под Кенигсбергом! Вас, как и меня, хоронят и воскрешают чуть ли не каждый год. А мы с вами сидим и рассуждаем о какой-то Виннице. Давайте лучше вспомним о хорошем!

– О том, как вы меня из Мюнхена привезли в Швейцарию в багажнике? Столько лет прошло, а старые методы гестапо до сих пор на вооружении у ваших людей!

– Курт! Вы же разведчик и понимаете, что если бы я хотел просто избавиться от хвоста, то достаточно было метра капроновой верёвки и вас бы уже давно отпели на родине.

– Я понимаю это! Так же как понимаю, что мы сейчас вспоминаем прошлое, чтобы подумать о будущем. Ведь так?

– Да! Вы абсолютно правы! Слишком сложно мне стало жить на этом свете. Все разведки мира охотятся за мной. Не дают нормально видеться с семьёй.

– Кстати, как ваша любимая Элизабет?

– Говоря слово «кстати», я бы вас просил, Курт, применять его по назначению, а не просто так, чтобы показать свою осведомлённость. Вы же не хотите мне устроить свидание с дочерью?

– Извините, герр Мюллер, я не хочу! Но могу!

– И как?

– У нас есть двойник вашей Элизабет! Вернее женщина

как две капли воды похожая на вашу дочь! Остальное, как вы понимаете – дело техники!

– Вы всё-таки не русский разведчик! Вы просто настоящий еврей! Не прошло и часа нашей беседы, а вы уже торгуетесь! Причём ещё даже не зная в чём ваша выгода!

– Если я вернусь живым в Израиль без Мюллера, то меня ожидает прогнозируемое отстранение от дел и скромная пенсия! Если я вернусь в Россию без Мюллера, то меня ждёт лагерь, так как шумиха вокруг последних событий уже расползлась по миру.

– Я вам больше скажу! Если вы вообще вернётесь, то за вашу жизнь уже никто не даст и ломаного гроша!

– Почему?

– Да потому, что вы не можете выйти отсюда неперевербованным. Причём перевербовка должна быть с такими тузами на руках, которые уже никто никогда не побьёт!

– А мой джокер в виде двойника вашей дочери?

– Это не джокер, Курт! Это ваша единственная козырная карта, которую могут перебить другие игроки.

– Тогда я совсем не понимаю смысла нашей беседы! Для чего-то же тогда я вам нужен?

– Вы правы, Курт! Я вас притащил сюда не просто так! Но вы не думайте, что старик Мюллер хочет вам рассказать о тайнах золота Третьего Рейха, или передать свой архив. Нет! Тут другое!

– Что же у вас может быть такого, что может заинтересо-

вать меня?

– Понимаете, Курт! Я уже в том возрасте, когда невольно думаешь о скором конце. Перебирая в памяти всё, что я натворил на этой земле, я вспомнил, что не выполнил одно своё обещание, которое дал в спешке. И я хочу, чтобы именно вы помогли мне его выполнить.

– Что же это за обещание? Если вы хотите, чтобы я вам помог, то сообщите, хотя бы для начала, кому вы его дали?

– Что за обещание я вам расскажу позже! А вот кому я его дал, мне представлялось, что вы догадались!

– Ума не приложу! Так кому же?

Мюллер внимательно посмотрел на собеседника и как-то буднично, с безразличием ответил:

– Гитлеру! Кому же ещё!

Глава вторая. Пригород Вены. 13 апреля 1945 года

Кровавый восход солнца 13 апреля 1945 года не предвещал ничего хорошего. В шесть утра весь личный состав второго штрафного батальона, приданный Второму Украинскому Фронту, был поднят по тревоге в пять утра. Приказ личному составу был зачитан в пять тридцать. Батальону предстояло произвести зачистку районов в пригороде Вены.

После кровавых боёв 6–12 апреля, когда половина личного состава погибло, все мечтали о передышке. Однако чтобы

не рисковать основными частями, командование фронта решило пустить впереди регулярных частей штрафбат. Так, на всякий случай. Потери штрафных батальонов можно было не показывать в основных сводках, поэтому командование решило не рисковать.

Андрей уже ничему не удивлялся. После повторного ареста и долгих допросов, у него не осталось в душе ничего, кроме желания выжить и увидеть свою семью. Как и в прошлый раз его опять обвиняли в измене Родине. Только теперь добавилась формулировка «умышленный переход на сторону врага». Закончилось всё опять штрафбатом. Многие красноармейцы, воюющие с ним, были убиты. Некоторым повезло и они, после ранений, были реабилитированы. Ему удавалось выжить. Но за всё время боёв его ни разу не ранили. Вокруг лилась кровь, а у него никогда не было ни царапины. Даже во время уличных боёв в Вене, где погиб каждый второй, а раненых не успевали отвозить в медсанбаты – он оставался цел и невредим.

– Произведём зачистку и я подам на тебя рапорт, – пообещал ему политрук.

– Как будем действовать?

– Ты, Слепнёв, берёшь десять человек и идёшь на Пайербрах! Вот он, смотри по карте! А мы обойдём его справа и слева, чтобы никто не выскочил. Встречаемся тут! – Его карандаш указал место на карте. – Понятно?

– Пленных брать, или на месте кончать?

– По обстановке! Если в руках что-то есть – стреляй без раздумий!

Колонна двинулась в сторону городка. Людей не было. Местным жителям было приказано не выходить из домов и беспрепятственно пускать солдат для проверки их жилищ. По узкой улочке они подошли к большому дому. Ворота были закрыты, но внутри дома были слышны голоса. Прислушавшись, Андрей понял, что кричит ребёнок. Взяв с собой троих солдат, он вошёл во внутрь. Голоса стихли, но незримо ощущалось чьё-то присутствие. Сняв автомат с предохранителя, он толкнул дверь первой комнаты. В комнате никого не было. Вторая комната оказалась тоже пустой. Когда он толкнул ногой третью дверь, в ответ раздалась автоматная очередь. Снова раздался плачь ребёнка.

– Не стрелять! – скомандовал он. – Там дети!

– Нихт шиссен! – прокричал он. – Не стрелять!

– Вы кто? – слышалось из-за двери.

– Мы бойцы Красной Армии! А вы?

– А мы бойцы Русской Освободительной Армии генерала Власова! И сейчас вы нам дадите возможность выйти отсюда!

– А может, ты подумаешь и сложишь оружие! Город окружён и вам не уйти! – Андрей жестом показал, чтобы солдаты обошли комнату с улицы.

– У нас в руках семья из четырёх человек. Двое из них – дети! Если вы не дадите нам выйти, то мы их начнём рас-

стреливать!

В комнате опять раздался детский плач.

– Никто не будет стрелять! – крикнул Андрей. – И вы не стреляйте! Я сейчас загляну внутрь, а ты мне покажешь, кто там у тебя! Только без глупостей! Один выстрел – и мы бросаем гранаты!

– Хорошо! Можешь посмотреть.

Андрей прилёг на пол и аккуратно стал заглядывать в комнату. Там стоял шифоньер, за которым пряталось двое вооружённых людей в гражданской одежде. В руках один держал мальчика, другой девочку. Их родители лежали на полу лицом вниз и вздрагивали от страха.

Глядя на перепуганных детей, он представил, что точно так же, в оккупации, немцы могли издеваться над его сыном и дочкой. Ненависть к этим подонкам, прикрывавшихся детьми, мгновенно подсказала единственное правильное решение.

– Выходить будете через окно. Отпусти детей!

– Детей я отпущу, как только добегу до конца усадьбы! Кидай свой автомат!

Андрей отсоединил рожок и положил автомат на пол. Рожок кинул в комнату.

– Автомат не дам, так как я из штрафбата. За утерю оружия сам знаешь, что мне будет.

– Не дёргайся! Мы уходим.

Слышно было, как открылось окно. Снова заплакали де-

ти. Их мать стала хватать их за ноги, не понимая, куда эти люди их тащат. Один из власовцев грубо толкнул её сапогом в лицо. Муж женщины кинулся на него. Неожиданно второй закричал: «Засада!»

Андрей понял, что счёт идёт на секунды. Присоединять запасной рожок к автомату уже не было времени. Кинув автомат, он бросился в комнату с ножом. За окном раздался выстрел, и Андрей увидел, как один из бандитов начал сползать на пол, отпуская девочку. Та бросилась к маме. На ходу инстинктивно он понял, что вспышки огня из дула автомата власовца вот-вот прошьют его насквозь. Добежав до бандита, он всадил ему нож в бок и выхватил мальчика. Падая на пол, он подмял под себя ребёнка и тут же ощутил, как первая пуля попала ему в плечо. Подняв взгляд, он увидел, как на лбу бандита появляется отверстие от пули его солдат. Он понял, что всё кончено. В самый последний момент, когда он прикрыл своим телом ребёнка, пули одна за другой прошли его тело. Голоса стали стихать. К нему подбежала обезумевшая мамаша и стала вытаскивать из-под него мальчика. Он видел, как вбежали солдаты и встали возле него. Всем стало понятно, что делать что-то бесполезно. Кровь сочилась из четырёх ран, и шансов выжить у него не было. Он увидел испуганные глаза мальчика и попытался улыбнуться ему.

– Ви хайст ду? – выдавил он из себя.

– Их хайсе Герг! Георг Локамп!

Глаза Андрея закрылись, и он увидел своего сына. Сын

мчался к нему на самокате и отчаянно кричал: «Папа, я сейчас! Я сейчас тебе помогу!»

Он улыбнулся и спокойно заснул. Уже навсегда.

Глава третья. Берлин. 13 апреля 1945 года

– Несите всем шампанского! – Гитлер не скрывал своей радости. – Запомните это день! Этот день станет переломным в нашей войне! Только что пришла новость о смерти Эзенхауера!

Радость, с которой восприняли эту новость в бункере Гитлера, вскоре улетучилась. Этот день принёс в Берлин две новости: хорошую и плохую. Плохой стала новость о падении Вены.

Гитлер почернел, и его невозможно было узнать. Он понял, что это всё! Три дня он не мог прийти в себя и окружающие думали, что он лишился рассудка. Так думали почти все. Кроме Бормана.

Вернувшись из бункера, Борман целые сутки не выходил из своего кабинета. Подчинённые не успевали выполнять поручения. Приходили и уходили военные и гражданские люди, с которыми он проводил часовые беседы. В три часа ночи он поднял трубку телефона.

– Борман!

– Да, я вас слушаю, партайгеноссе! – отозвался на том кон-

це Мюллер.

– Генрих! Мы с вами завтра должны быть у Гитлера в одиннадцать часов.

– Утра?

– Да! Но перед этим мы должны с вами переговорить. Помните нашу скамейку у озера?

– Конечно! – сказал Мюллер, улыбаясь, и понял: случилось что-то из ряда вон выходящее. Никогда раньше он не боялся встречаться с ним в кабинете. Назначение встречи в парке говорило только об одном – разговор имеет особую важность и не может стать известным третьим лицам. – Я буду там в...

– Девять пятьдесят!

Трубку положили, и у Мюллера сползла улыбка с лица. Об этом разговор через час узнает Гиммлер и только одно обстоятельство может спасти его от последующих вопросов. Это обстоятельство – встреча с Гитлером.

«Всё очень плохо, – подумал Мюллер, – потому что всё идёт к развязке, – он посмотрел на свой диван, – лечь бессмысленно, поэтому на всякий случай нужно привести в порядок бумаги».

Утренняя прохлада, исходящая от озера, слегка взбодрила его. Борман опаздывал. Опытный глаз разведчика выхватил из окружающего ландшафта две фигуры с метлами. «Не очень-то у них получается изображать из себя дворников», – подумал он и тут же услышал шаги.

– Хайль, – Мюллер вытянулся насколько мог в струнку.

– Доброе утро! У нас мало времени, поэтому сразу к делу!

– Разрешите заметить, но за нами слежка! И это не мои люди!

– Не важно! Главное, что они ничего не услышат. Итак! Гитлер поручил мне разработать план операции «Феникс». Я её разработал, и фюрер её утвердил. Теперь дело за вами!

– Да! Только я...

– Только вы теперь третий, кто знает об этом. И любая просочившаяся информация об этой операции будет означать только одно...

– Я понимаю! – ответил Мюллер, и у него засосало под ложечкой.

– Хорошо! Гитлер вам доверяет. Я с ним согласен!

– Спасибо за доверие!

Борман внимательно посмотрел на него и продолжил.

– Обстоятельства складываются таким образом, что победитель в этой войне уже известен. И как вы сами понимаете, это не мы! Фюрер понимает это и не снимает с себя ответственности. Но в данной ситуации было бы очень глупо пустить себе пулю в лоб, зная что это ничего не изменит. Сдаваться русским Гитлер не будет, так как понимает, что его тело, болтающееся на верёвке – тоже не лучший выход. Остаётся только одно.

Борман остановился и опять посмотрел пристально на Мюллера.

– Что бы вы придумали в данной ситуации, Генрих?

– Я думаю, что вы придумали намного лучше, чем я могу предложить! – неуклюже попытался выкрутиться Мюллер, и ему стало стыдно за эту неловкость. – Простите! Учитывая то, что мне известно, я бы предпочёл уйти, чтобы вернуться!

– Да! Именно это и имеется в виду. Вам хватило одного названия операции, что бы проанализировав ситуацию, выдать правильное решение. Я думаю, мы в вас не ошиблись!

Детали будем обговаривать сейчас и здесь. У фюрера будут совсем другие фразы и ни малейшего намёка на то, что мы сейчас с вами придумаем.

– Понятно!

– Ваша задача – подобрать исполнителей на каждом этапе операции, обеспечить им красивую легенду и мотивацию. Главное, чтобы потом не осталось ни малейшего следа. Все участники, кроме нас с вами, должны быть уничтожены.

«Как-то не очень уверенно он произнёс выражение «нас с вами», – мелькнуло в голове у Мюллера, – или показалось?»

– Уходит сначала он, потом вы, а потом я!

«Хоть так!» – опять промелькнуло у Мюллера.

– А теперь слушайте детали!

Борман оглянулся и перешёл на полушёпот.

Дворники, которые старательно мели аллеи незаметно старались наблюдать за ними в маленькие бинокли.

«Пытаются читать по губам! – понял он, и немного встал левее, чтобы заслонить лицо Бормана. – Вот так лучше!»

Весь последующий разговор он больше не отвлекался на тех, кто за ними следил, а только внимательно слушал и удивлялся тому, как всё это здорово было придумано.

Глава четвёртая. Винница.

13 апреля 1945 года

Она ждала прихода людей из НКВД давно. С 20 марта прошлого года, когда освободили Винницу. Тогда, когда весь город вышел с цветами встречать Красную Армию, она не понимала – где люди взяли столько цветов? Не понимала она и другого: почему так долго их не могли освободить? Почти тысячу дней фашисты истязали этот мирный город. Из ста тысяч жителей города после оккупации в городе осталось только двадцать семь тысяч. Фашисты уничтожили почти сорок две тысячи мирных жителей. Почти пятнадцать тысяч было угнано на каторгу. Из трёхсот пятидесяти предприятий уцелело только десять! Всё это у неё не укладывалось в голове. Ненависть к фашистам была настолько сильной, что люди впадали в истерические припадки.

Теперь это было позади. Теперь их ждала мирная жизнь и спокойный сон. Так она думала, возвращаясь с подростками детьми домой.

На следующий день она пошла в контору товарной станции, где работала до войны. Из бывших сотрудников там остались только двое обходчиков. Остальные были убиты. На

месте начальника товарной станции сидел военный.

– Здравствуйте! – сказала она, войдя к нему в кабинет.

– Здравствуйте! – ответил он. – Вы по какому вопросу?

– Я работала здесь учётчицей до войны. Вот пришла узнать, когда выходить на работу.

– Ваша фамилия?

– Слепнёва, Елена Денисовна!

– Так! – сказал он и открыл какую-то тетрадку. – Слепнёва, говорите?

– Да! Что-то не так?

– Не так то, гражданка Слепнёва, что по нашим сведениям вы во время оккупации сотрудничали с фашистами.

– Ну что вы такое говорите!

– А вы вспомните, – перебил её он, – кто у вас жил в доме во время оккупации? Кто с немцами вино пил по вечерам? Вспомнили?

– Немцы нас не спрашивали! Когда вы нас бросили и ушли из города, они пришли, и стали нами командовать. А тех, кто не выполнял их приказы – расстреливали!

– Правильно, гражданка! Любой советский человек предпочёл бы пулю в лоб, нежели сотрудничать я фашистами! А вы пригрелись под немцем! В прямом и переносном смысле этого слова!

– Ты, сволочь, не имеешь права так говорить! – Лена схватила со стола чернильницу и бросила в лицо военному.

– Ах ты, подстилка, фашистская! Я тебя сгною в лагерях!

Ещё не известно, может ты вместе со своим муженьком заодно?

Лена остолбенела.

– Он жив?

– Он сидел в лагерях, потом попал в плен! А дальше судьба его не известна!

– Боже! Он жив! – она кинулась к офицеру на шею и заплакала. – Прости меня! Я всё постираю! Главное, что он жив!

– Он-то может и жив! Только захочет ли к такой жене возвращаться?

– Не смей, слышишь, не смей! Ты же ничего не знаешь!

Этот немец...

Тут она запнулась.

– Что это немец? Молчишь? Иди отсюда! Я доложу куда надо!

С этого момента она жила и ждала. Ждала известий о муже. Ждала, когда за ней придут. И совсем не знала, что она им скажет.

В тот день, когда они виделись в последний раз, Курт попросил её выйти во двор, чтобы переговорить.

– Понимаешь, Лена, я не имею права ничего тебе рассказывать! А то, что ты видела – ты должна забыть! Забыть навсегда!

– Но ты же наш?

– Ты всё сама видела! Про Лялю никому ничего не рас-

сказывай! Всё со временем встанет на свои места.

– Мы ещё когда-то увидимся?

– Вряд ли!

– По крайней мере, откровенно!

– Я благодарен тебе за помощь, но больше никто, слышишь, никто не скажет тебе спасибо!

– Я не для этого помогала тебе!

– Ты помогала себе и своему народу! Благодаря нам немец нас не победил, понимаешь? И это самое главное!

– Да! Я понимаю! Ты сегодня уходишь?

– Я не знаю точно.

– Пообещаешь мне выполнить одну мою просьбу?

– Если смогу...

– Узнай всю правду об Андрее. Любую правду. И дай мне знать. Ради сына!

– Хорошо, Лена! Я постараюсь!

Он ушёл. Больше его никто не видел.

Через два дня она стала убираться в доме. Дочка ушла на поле – собирать одуванчики, а сын стал ей помогать. Перестилая постель Курта, она обнаружила под матрасом девять банок тушёнки и пять плиток шоколада.

– Это нам, мама? – с горящими глазами спросил Вадимчик.

– Да, это Курт нам оставил!

– А он хороший?

– Да, сынок, среди немцев тоже бывают хорошие люди.

– Разве бывают фашисты хорошие?

– Фашисты – нет, а немцы – да!

– А разве фашисты – это не немцы?

– Нет, сынок! Фашисты есть и в Италии, и в Румынии и в Японии! Фашистов хороших не бывает, а немцы бывают хорошие.

– Так что, Курт был хороший?

– Да, сынок! Он никого не убивал! Нам помогал! Видишь, сколько нам всего оставил! Только я прошу тебя, никому ничего о нём не рассказывай!

– А папа когда с войны придёт, ему можно?

– Конечно можно!

– Скорее бы уже он пришёл!

После того как Лена побывала на работе, она поняла, что никто ничего никому не сообщил. Именно поэтому она ждала каждый день, когда за ней придут. Детей она отправила в деревню к троюродной сестре, а сами с мамой стали ждать.

Проходили дни, недели, месяцы, но никто не приходил. Соседи смотрели на них искоса. На работу её нигде не брали. Жили впроголодь. В конце лета почтальон впервые за многие месяцы остановится возле их ворот. Лена, увидев её глаза, всё поймёт и упадёт в обморок.

Часть третья

Глава первая. Швейцария.

Ноябрь 1967 года

– Мне повезло, Курт! Гитлер мне доверял. Именно поэтому, наверное, я до сих пор жив!

– Мало того, что живы, так ещё и можете блестяще вести дела!

– Вы так думаете?

– Судя по тому, что я у вас в гостях, а не вы у меня – таки да!

Мюллер улыбнулся.

– И всё-таки, Генрих, что это за обещание, выполнение которого вы хотите любезно доверить мне?

– У вас не получается быть учтивым! Вы переигрываете и кажетесь слишком приторным! Как перезрелый персик. А что касается обещания, то для начала я должен кое-что вам рассказать.

– Я весь внимания!

Мюллер опять посмотрел на Курта.

– Да! Как перезрелый персик! Так вот, Курт! Вы никогда не слышали о проекте «Тор»?

– Слышал что-то, но если можно, напомните!

– Проект «Тор» предполагал из семени фюрера возродить «истинных арийцев». Для оплодотворения было выбрано около пятидесяти самых лучших немков. В результате на свет появилось двадцать два малыша, которые были переданы в одну секретную лабораторию. Я даже уже могу назвать вам её номер – 1146. Эта лаборатория числилась за некой организацией «Лебенсборн». Всё это происходило ещё до окончания войны. После нашего поражения в сорок пятом эта лаборатория была эвакуирована. Детей отдали на воспитание проверенных членов нашей партии. Не могу сказать, что выжили многие. Но некоторые спокойно живут и сейчас, даже не подозревая, что они дети Гитлера. Подобные опыты были продолжены, и один эксперимент по оплодотворению яйцеклетки замороженным семенем фюрера был успешно проведён совсем недавно. Родившаяся девочка успешно была записана как родная в одну семью священника, где сейчас и воспитывается. Она очень похожа на биологического отца. И имя ей дали соответствующее: Ангела-Доротея. Возможно, Курт, вы о ней ещё услышите. Но дело не в этом.

– А в чём же?

– Дело даже не в том, что у фюрера есть и законнорожденный сын. Его зовут Вернер Шмедт. Он в пятьдесят первом эмигрировал в Америку, и до сих пор спокойно там живёт.

– Его мать – племянница Гитлера?

– Да, Курт! Его мать Гели Раубаль, его племянница.

– Кстати, а что с ней?

– Вот сейчас ваш вопрос кстати! Её Адольф застрелил из ревности. Но это не важно!

– Так, а что же тогда важно, Генрих?

– А важно то, что у Адольфа Гитлера есть ещё один сын! Ему уже, скажем так, за пятьдесят. Живёт он недалеко отсюда. Так вот он даже не догадывается о том, кто его отец.

– И что? Вы хотите, чтобы я ему об этом сообщил? Не думаю, что это хорошая идея!

– Такое впечатление, что вы куда-то торопитесь! Я могу сейчас пойти спать, а вы будете всю ночь ворочаться и думать о том, что я вам недоговорил. Вы этого хотите?

– Извините меня, Генрих! Просто не терпится всё поскорее узнать.

– Потерпите. Немного осталось! Так вот, в молодости у Гитлера был роман с Хильдой Локамп. Она родила мальчика и тщательно скрывала кто его отец. Гитлер навёл справки и внимательно изучил фото мальчика. Под давлением неопровержимых фактов она созналась, что отец – он! Гитлер, когда мы виделись с ним в последний раз, взял с меня обещание, что я позабочусь о его сыне и внуке.

– И что я должен сделать?

– Устроить их судьбу так, чтобы они ни в чём не нуждались. Незаметно, конечно. Согласитесь, что вам это сделать будет легче, чем мне.

– Я думаю – да!

– Я дам вам денег, а вы всё устроите!

– Хорошо! Это в обмен на свободу?

– В обмен на свободу и полное молчание!

– Я даю слово! Этого достаточно?

– Да! Если вы его нарушите, то Гитлер вам этого не простит!

– Вы хотели сказать: Мюллер не простит!

– Я редко заговариваюсь, Курт! Гитлер вам не простит!

– Но Гитлер мёртв!

– Я тоже так думал. Но когда с доверенных мне счетов партийных денег в последнее время стали регулярно снимать приличные суммы, то я перестал быть таким уверенным.

– Деньги могут снять и без Гитлера!

– Деньги может снять только я, Борман и Гитлер. Борман не брал, я не брал. Вы не знаете, зачем партийные деньги снимаются и переводятся регулярно в Южную Америку? А?

– Понятия не имею!

– И я не знаю и знать не хочу! Именно поэтому я вас очень серьёзно прошу подойти к выполнению этого поручения, Курт!

– Хорошо, Генрих! Называйте адрес и имя мальчика.

– Живёт он в пригороде Вены, в Пайербахе. А звали его в апреле сорок пятого – Хельмут Локамп!

Глава вторая. Берлин. Конец апреля 1945 года

20 апреля в бункере Гитлера они собрались во второй раз. Мюллер, зайдя внутрь, остолбенел. Перед ним стояло два фюрера.

– Надеюсь, – сказал ему Борман, – вы отличите настоящего от двойника.

Мюллер, как опытный разведчик, сразу понял, что тот, который выглядит похуже – двойник. Он явно выглядел старше, и в глазах не было искорки безумства. Однако, мгновенно проанализировав ситуацию, он понял, что его правда, по большому счёту, сейчас уже никому не нужна.

– Этот двойник, – с уверенностью ткнул пальцем он в настоящего Адольфа Гитлера.

Смех всех троих был ожидаем и он краем глаза увидел, как Борман ему одобрительно кивнул.

– Мюллер, – сказал настоящий фюрер, – вы ошиблись! Впервые в жизни вы ошиблись! Но это очень хорошо! Это говорю вам я, Адольф Гитлер!

Гитлер посмотрел на двойника и молча кивнул ему, чтобы тот уходил. Тот вышел в потайную комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

– Итак, Мартин, – обратился он к Борману, – у вас всё готово?

– Да, мой фюрер! Последнее, что осталось – это утвердить этот список!

Борман передал бумагу Гитлеру. Это был список пассажиров в другую жизнь. Список счастливых, которых фюрер спасал. Гитлер внимательно изучил список и вычеркнул несколько фамилий.

– Эти люди выразили готовность осуществлять операции прикрытия, – пояснил он.

– И Геббельс с семьёй тоже? – не поверил Борман.

– Да! Геббельс солдат, и он решил выполнить свою миссию до конца.

– А дети? – Мюллер не верил своим ушам.

– Без детей этот спектакль не стоит и ломаного гроша. Хватит об этом. Друзья, мои, – обратился он торжественно к Борману и Мюллеру, – операция «Сераль» входит в свою завершающую стадию!

25 апреля 1945 года, там же в бункере, проходило секретное совещание. Именно Геббельс был назначен главным на завершающем этапе операции. Именно он должен был своей смертью поставить точку в гибели могущественной Германии. После совещания они обнялись.

– Двойник провёл уже два совещания, и никто ничего не заподозрил. Так что, мой фюрер, можете спокойно действовать.

– Спасибо! Твоё имя навсегда будет вписано в историю Третьего Рейха.

Геббельс вышел. Фюрер улыбнулся.

– Все три варианта убийства из страны будут реализованы. Причём, какой вариант будет моим – я решу в последний момент сам. Вы действуете по заранее утверждённому плану. Прощайте!

Они с Борманом вышли и тоже попрощались.

26 августа 1945 года самолёт без опознавательных знаков поднялся в воздух из секретного аэродрома в Австрии. Это был специальный рейс. Пассажиров никто не видел в лицо. Их привозили прямо к трапу и они, укрывшись плащами с капюшонами, спешно подымались на борт. После взлёта самолёт взял курс на Испанию. Через несколько дней весь экипаж самолёта будет обнаружен мёртвыми в районе испанского порта Виго.

30 апреля 1945 года в 15–30 в бункере Гитлера начали проходить акты самоубийства людей, которые там находились. После того, как тела сожженных трупов возле бункера зарыли в яму, из Берлина вылетел самолёт «Юнкерс-52», который так же взял курс на Испанию.

Ещё один самолёт вылетел в порт Гамбурга, где люди, находившиеся на его порту, пересели на подводную лодку и отправились в направлении Южной Америки.

После рассекречивания тайного шифра «Энигма» стало достоверно известно, что от Испанского побережья в апреле-мае 1945 года отправилось как минимум три подводные лодки. Эти субмарины, в числе которых были U-235 и U-977,

успешно пересекли океан и в августе 45 года прибыли к побережью Аргентины. Там на берег сошли около тридцати человек, и было выгружено помимо всего несколько тонн золота, платины и 4 килограмма бриллиантов.

В мае 1945 года сотрудники СМЕРШ извлекают из воронки возле бункера Гитлера обгоревшие останки двух людей, которые после непродолжительной экспертизы признаются телами Адольфа Гитлера и Евы Браун.

9 июня маршал Жуков на пресс конференции проронит фразу в адрес будущего замминистра иностранных дел Вышинского: «Мы не опознали тело Гитлера».

Позже Американское разведуправление, в лице бывшего директора Б. Смита заявит: «Нет на земле ни одного человека, который может предъявить факты, подтверждающие смерть Гитлера в 1945 году в Берлине».

Врачи, производившие экспертизу, не обнаружили на черепе трупа следы пули, которой, как указывают многочисленные свидетели, Гитлер застрелился.

Ещё много раз будет вскрыта могила и перезахоронено это тело, но всё это будет выглядеть жалкими попытками оправдать беспомощность спецслужб мира перед блестяще проведённой операцией «Сераль».

Глава третья. Москва. Сентябрь 1945 года

Глядя на Сталина, Берия понимал, что тот что-то знал такое, чего не знал он.

– И всё-таки вы его упустили!

– Товарищ Сталин!

– Молчи, Лаврентий! Именно ты виноват в том, что он смог уйти! Никто не может предъявить миру свидетельство смерти Гитлера. Но ты виноват не в том, что Мюллер тебя перехитрил. Ты виноват в другом.

Сталин подошёл к столу, раскурил трубку и взял со стола листок бумаги.

– По данным некоторых источников, которые заслуживают доверия, запас золота в Аргентине увеличился с 346 тонн до 1173 тонн. Бразилия тоже увеличила свой золотой запас с 50 до 350 тонн! Тебе известно что-нибудь о резком увеличении темпов добычи золота в мире?

– Нет, товарищ Сталин!

– И мне неизвестно. Объясни мне тогда, откуда у бедных Латиноамериканских стран вдруг нашлись деньги, чтобы купить такое количество золота?

– Не знаю, товарищ Сталин, – Берия опустил глаза.

– А я знаю! Я знаю то, что если бы ты не тратил своё время на баб, то наша страна могла бы этим золотом восполь-

зоваться для восстановления страны. А ты теперь прячешь глаза! На твоём месте любой бы уже давно застрелился!

– Товарищ Сталин! – Берия встал.

– Сядь! Я знаю, что ты трус! И никогда этого не сделаешь! Ты можешь только воевать с беззащитными мужиками, у которых перебиты во время пыток ноги и руки, и с женщинами, которых ты шантажируешь детьми! Ты просто сволочь, Лаврентий.

Берия сидел и молчал. Потом вдруг вскочил.

– Я сам буду восстанавливать заводы без денег! Сто заводов я восстановлю!

– Ровно через год, если не восстановишь сто заводов, я тебя расстреляю. наших заключённых не гробить! У нас и так с мужчинами в стране кризис! Только пленные немцы, понял?

– Да, товарищ Сталин!

– И про дороги не забудь! Дураков у нас хватает, может хоть от второй беды удастся избавиться. Иди! – Стали посмотрел, как Берия неуверенно стал подниматься. – Или у тебя ещё что-то?

– Тут такое дело, товарищ Сталин. При освобождении Вены, 13 апреля, наш солдат спас жизнь четырём гражданам. Прикрыл своим телом. Сам погиб, а семья осталась жива. Командование представило его к награде.

– Ну, так наградите! Что за вопрос?

– Вопрос в том, что этот боец, Андрей Слепнёв на момент

гибели ещё числился в штрафбате.

– За что сидел?

– Он бывший сотрудник НКВД, в общем, ни за что!

– Вот! Узнаю своего друга Берию! Люди сидят ни за что, а потом героически спасают граждан чужой страны. Ценой своей жизни! Наградить героя! И статьи о нём в каждой газете напечатайте!

– Да, товарищ Сталин! Только мальчик, которого он спас, незаконнорожденный сын Гитлера!

– Что?

– У фюрера был в юности роман с немкой и она родила сына. Позже призналась, что это сын Гитлера. Я проверил!

– Берия! У меня желание появилось расстрелять тебя прямо сейчас! То ты упускаешь золото, то упускаешь Гитлера с Мюллером. А теперь выясняется, что твои заключённые спасают от смерти детей Гитлера! Ты что, совсем страх потерял?

– Я поэтому и хотел посоветоваться с вами, что делать! Может, Героя Советского Союза дать?

– Да ты что? Совсем уже с ума выжил? Представляешь, как во всём мире на это отреагируют? Они напишут, что Сталин дал уйти из Берлина Гитлеру, а своим солдатам дал приказ спасти всю его семью! Ты этого хочешь?

– Нет, товарищ Сталин!

– Забудь про этого героя! И всем скажи забыть! Не было этого спасения! Ничего не было!

Глава четвёртая. Австрия. Пригород Вены. Ноябрь 1945 года

– Папа, а тот дядя, которого мы здесь похоронили – он русский?

– Да, сынок! Это солдат Красной Армии, которая победила фашистов!

– Это он тогда нас спас?

– Да, сынок! Он сам погиб, а нас всех спас.

– Он герой?

– Он настоящий герой!

– А почему к нему никто не приходит кроме нас?

– Этот солдат жил очень далеко отсюда! И его семья, может быть, ещё не знает, что он погиб!

– Так давай им напишем!

– Хорошо! Завтра поедem в Вену и сходим к военному коменданту.

Хельмут Локамп вздохнул и поправил цветы на могиле. Эту могилу они вырыли на следующий день после того, как красноармейца Слепнёва Андрея Никитовича не стало. В этой братской могиле хоронили многих бойцов. Именно тогда он узнал имя своего спасителя. Офицер, который руководил захоронением, долго не хотел называть ему имя солдата, который спас им жизнь. И только после того, как жена и дети стали его умолять, он тихонько сказал: «Его зовут Слепнёв»

Андрей Никитович. Он из Винницы». Что это за город он узнал потом. После того, как фашистский режим в Германии пал, они стали просить представителей власти установить на месте захоронения солдат памятник. Люди даже начали собирать деньги. Однако окончательное решение должен был принять военный комендант.

Когда на следующий день они приехали в Вену и добрались до комендатуры, выяснилось, что комендант уехал. Им разрешили его подождать, так как на улице было уже довольно прохладно. Ждать пришлось долго. Только к шести вечера двери открылись, и в здание вошёл военный. Быстрыми шагами он направился к кабинету. Секретарь остановил его и что-то сказал, а затем показал на семью, которая расположилась на скамейках.

– Пусть заходят! И ты зайди – переведёшь, что они хотят.

Когда Хельмут сбивчиво рассказал суть дела, военный комендант что-то шепнул на ухо своему помощнику и тот быстро вышел. Через минуту он вошёл, держа в руках какую-то папку. Листая бумаги, лицо коменданта становилось серьёзным. Просмотрев документы, он отложил папку и внимательно посмотрел на семью Локамп. Переводчик начал переводить.

– Нам известны все обстоятельства гибели этого солдата. Он представлен к награде. Так же мы послали известие о его гибели его семье. Вопрос установки памятника советским солдатам в вашем городке будет решаться в ближайшее

время. Вам не о чем волноваться. Мы своих солдат не бросаем ни живыми, ни мёртвыми. Так что можете спокойно ехать домой.

Хельмут кивнул и все встали.

– Данке! Ауфвидерзейн!

Дойдя до двери, Хельмут вдруг обернулся и направился назад, к столу. Сбивчиво он стал просить дать ему адрес, где живёт семья погибшего.

– Генерал сказал, – начал переводить переводчик, – что они не знают адреса. Сообщения о гибели направляются в военкоматы городов. А те потом рассылают похоронки по адресам.

– Господин генерал! – стал переводить секретарь. – Мы вас очень просим помочь нам узнать адрес солдата. Он спас нашей семье жизнь, и мы хотим выразить свои соболезнования семье. Так же нам хотелось написать родным все обстоятельства гибели солдата Андрея. Помогите нам!

– Хорошо! Я постараюсь что-то сделать. Я сам из Украины, из-под Одессы. Так что это мой земляк. Оставьте свой адрес, вас найдут. Всего доброго!

Они вышли. Стоя на крыльце, Хельмут посмотрел на часы. Было уже семь часов вечера. Как добираться домой он не знал. Решили идти на вокзал. Тут дверь распахнулась, и на крыльце показался помощник генерала.

– Стойте! Генерал приказал отвезти вас домой!

Пока ехали, дети заснули. Хельмут ещё не знал, что со-

всем недавно Сталин лично приговорил этого героя к забвению. Не знал он и то, что именно он, будучи незаконнорожденным сыном Гитлера, явился причиной этого забвения.

А генерал Лебеденко Никита Фёдорович, который годом раньше получил звание Героя Советского Союза, получив через несколько недель инструкции насчёт этого солдата, нарушит приказ и через своего верного помощника всё-таки передаст семье Локамп адрес, где жили родные их спасителя. Будучи военным комендантом Вены до 1948 года, Никита Фёдорович всё сделал, чтобы память о семнадцати тысячах павших при освобождении Вены советских солдат осталась на века.

Глава пятая. Винница. 1981 год

Последние дни мама уже не вставала. Я сбился с ног, чтобы отыскать нужные лекарства. Но даже найдя их я уже видел, что дело плохо.

– Сядь ко мне, сынок, посиди рядом! – попросила она.

Я присел и взял её руку.

– Помнишь, как ты после училища первый день вышел на работу?

– Это когда я с дядей Петей на участок электриков устроился?

– Да! Ты ещё тогда принёс с работы буханку хлеба! Люди добрые дали!

– Да, мам, помню. Ты тогда целый вечер проплакала!

– А как не плакать было, сынок. Один ты у нас мужчина остался. А тут такое – дождались, когда ты в дом стал заработка приносить!

– Тяжёлое было время!

– Попали мы с вами в такой водоворот, что до сих пор жизнь крутит нашу семью.

– Что ты, мама! Я хорошо живу. На Севере зама знаешь совсем другие заработки. Валя замуж вышла. Всё нормально, мама! Ты главное выздоравливай!

Мама улыбнулась, чтобы меня успокоить.

– Принеси мою шкатулку, сынок! Она на окне, за занавеской.

Я принёс старую, полуразвалившуюся шкатулку, которую отец подарил маме на свадьбу.

– Позови Валю! Я хочу вам что-то рассказать.

Когда мы зашли, она держала в руке фотографию.

– Садитесь, дети! Я должна вам что-то рассказать.

Мы сели.

– Помните войну? Когда к нам поселился тот немец?

– Помним, мама!

– Так вот, пришла пора мне вам сказать, что это был не немец, а наш разведчик. Он запретил мне об этом кому-то рассказывать, но теперь можно! Тем более, что уже прошло много лет и не известно – жив ли он. Так вот. Выполнял он здесь важное задание центра. Даже подпольщики о нём ни-

чего не знали. Только я и Ляля Ратушная.

– Это наша знаменитая Ляля Ратушная, именем которой названа улица?

– Да! Она бывала здесь у нас, когда вас здесь не было. Потом, когда освобождали город, её убили, а Курт ушёл с немцами. Где он сейчас и что с ним было дальше, я не знаю.

– Так ты у нас героиня – подпольщица!

– Нет, дети мои! Моя роль была тоже засекречена, так же как у Курта Розенберга. Так звали того немца. Однако перед тем как он уходил, он дал мне обещание узнать о судьбе вашего отца.

– А что такого неизвестного в судьбе папы? Воевал, был убит. Похоронка пришла, как и другим. – Я почувствовал, что мама раздумывает, говорить, или нет.

– Есть одно обстоятельство, о котором вы не знаете. Он пошёл воевать на фронт из лагеря, где он отбывал наказание. Поэтому он и записан в похоронке как красногвардеец. Без звания, без наград. Куда бы я не обращалась, мне никто ничего не мог сообщить, кроме того, что написано в похоронке. Так вот. Пять лет назад, когда я шла домой, ко мне подошёл один мужчина. Он молча передал эту фотографию и убежал, чтобы я его не запомнила. Вот она!

Мама передала нам фотокарточку, на которой был запечатлен памятник с красной звездой. Приглядевшись, мы увидели, что помимо других на камне была высечено: Слепнёв Андрей Никитович.

– Он похоронен в братской могиле в местечке Пайербах, под Веной. Мне не суждено побывать на могиле мужа. Так вот я прошу вас: любой ценой там побывать и отвезти на эту могилу три горсточку родной земли.

Мама стала рыдать. Сильно. Тело её вздрагивало и тряслось. Слезы градом катились из глаз. Успокоить её мы смогли только через час. Выпив успокоительного, она уснула. Ночью её не стало.

После похорон, сестра отдала карточку мне и сказала, что я должен выполнить волю мамы.

Я стал опять писать во все инстанции. Даже до архивов НКВД добрался. Но ничего нового обнаружить не удалось. Обо всех его сослуживцах, обо всех захороненных в этой могиле можно было что-то узнать, но о моём отце не было ничего. Тогда я начал искать родственников тех солдат, кто был захоронен вместе с ним в братской могиле. Мне удалось найти жену его сослуживца, которая даже показала мне письма от него. В последнем письме он писал из-под Братиславы. Там он рассказывал о том, что его ранило и скоро, возможно, его переведут в регулярные части. Его имя и фамилия высечены рядом с фамилией отца. Женщина рассказала, что бывала на этой могиле. Рассказывала она и том, что на ней всегда живые цветы. Мы обменялись адресами и я уехал.

Оформить поездку за границу, тем более в капиталистическую страну, в те времена было нереально. Куда я не ходил, где я не показывал эту фотографию – мне отказывали.

И только спустя десять лет это всё-таки случилось!

Часть четвёртая

Глава первая. Вена. 1981 год

подавая паспорт на проверку, он еле заметно улыбнулся. Глядя на этого молодого парня, он был на сто процентов уверен, что тот сейчас задаст ему какой-то вопрос.

– С какой целью летите в Вену?

– Я турист! Давно хотел побывать на родине Штрауса!

Пристальный взгляд говорил только о том, что тот не верил ни одному его слову, но сделать ничего не мог. Не было оснований.

«И почему в «Ми 6» всегда дают поддельные документы с такими несуразными данными, – подумал он, пряча в карман паспорт, который ему вернули, – Клод Залевский! Даже специально такое выдумать сложно! Хотя с другой стороны, если даже этого мужчину, который проверял его паспорт, попросят вспомнить его имя и фамилию, то тот ни за что не сможет этого сделать».

Сев в кресло самолёта он сразу заснул. Уже много лет он привык засыпать быстро везде, где это было возможно. Инстинкт разведчика говорил ему о том, что с ним что угодно может случиться. И даже где угодно, но только не в самолёте. Это слишком рискованно, поэтому спецслужбы всегда стара-

ются избегать проводить свои операции в воздушных судах.

«Да и что, собственно, волноваться, – успокаивал он себя, – прошло уже столько лет после его исчезновения тогда, из пригорода Мюнхена. Меня уже давно похоронили». Думая так, он подсознательно ощущал, что пытаюсь обмануть самого себя, ему это плохо удаётся. Потому что он знал: «Моссад» никогда ничего не забывает и не прощает.

Только изменённая до неузнаваемости внешность и прошедшие годы могли как-то его успокоить. Он заснул и до самой Вены не просыпался.

Такси быстро доставило его в офис нужной компании. Заходя в офис, он по привычке резко обернулся и внимательно всё осмотрел вокруг. Всё спокойно!

– Здравствуйте, господин Залевский! – не без труда выговорила его имя секретарша без талии.

– Здравствуйте! – ответил он и заметил, что помимо талии на теле этой худошавой женщины отсутствовала и грудь.

– Проходите! Господин Локамп ждёт вас.

За столом сидел пожилой мужчина и сквозь очки внимательно рассматривал документы.

– Честно сказать, господин Залевский, я думал, что это шутка. Здравствуйте!

– он встал и протянул руку.

Они поздоровались.

– Присаживайтесь! Вы не будете возражать, если при нашем разговоре будет присутствовать мой сын? Он руководит

юридическим отделом нашей фирмы.

– Нет, я не против, – сказал он и стал удобно усаживаться в кресло.

«А он почти не изменился за эти годы, – подумал он, – только полысел немного».

Зашёл приятный молодой человек.

– Познакомься, Георг, это господин Залевский!

– Клод, – он протянул руку и заглянул в глаза молодого Локампа.

– Очень приятно, Георг!

– Садитесь, господа! – Пригласил их Хельмут. – Итак, с чего начнём?

– Видите ли, господа! Наш фонд является негосударственной структурой и я хотел бы многие нюансы наших сегодняшних договорённостей оставить без фиксации где-либо! Поэтому я предлагаю проехать куда-нибудь за город и, гуляя по улочкам какой-то деревушки, всё спокойно обговорить!

Сын с отцом переглянулись.

– Вы не волнуйтесь! Всё это законно! Просто некоторые наши меценаты желают остаться инкогнито. А для этого нужно исключить любую возможность утечки информации. Вот и всё! Вы, например, где живёте?

– Мы? – опешил Хельмут. – Мы живём в пригороде!

– Вот и прекрасно! Поехали в пригород. Там всё и обговорим.

Залевский встал, приглашая собеседников сделать тоже

самое. В полном недоумении они вышли, сели в машину и поехали в Пайербах. Всю дорогу Залевский восхищался пейзажами и много рассказывал о Лондоне. Когда подъехали, он попросил остановиться возле небольшого кафе.

– Вы не возражаете выпить кофе? Ну и прекрасно! – сказал он, не дождавшись ответа.

– Итак, друзья мои, – начал он, приглашая их пройтись после кафе, – речь идёт двадцати пяти миллионах долларов.

Глаза у Хельмута и Георга выкатились в изумлении.

– Не удивляйтесь, господа.

Залевский подвёл их незаметно к памятнику советским солдатам. Он пристально стал вглядываться.

– Слепнёв Андрей Никитович, – прочитал он на чисто русском, глянув на Хельмута и Георга.

– Откуда вы... да кто вы такой, в самом деле? – Хельмут покраснел.

– Тише, господа, тише! Я знаю эту историю с вашим чудесным спасением. Мало того, я прекрасно знаю его жену. Елену Денисовну Слепнёву. А также его сына и дочку.

– Господин Залевский! Вы могли бы перестать говорить загадками?

– Да, господа! Я бы мог вам всё рассказать, но не имею права. Прошу вас выслушать меня внимательно и не перебивать. Всё, что можно – я вам расскажу. Присядем?

После того, как они спокойно присели, он продолжил.

– Я не знаю Георг, рассказывал ли вам отец, но вы являе-

тесью внуком Адольфа Гитлера!

– Да, я знаю об этом. Но в нашей семье предпочитают об этом не вспоминать.

– Понятно, но дело, видите ли, в том, что ваш отец, Хельмут, попросил одного господина, позаботится о вас. И озвученные мной двадцать пять миллионов долларов и есть та забота, которую мне нужно каким-то образом вручить вам.

– Нам ничего от него не нужно. Это кровавые деньги! Мы их не возьмём! – Георг встал.

– Сядьте, молодой человек! И не кричите! Вы не на митинге. Тем более что я очень сильно рискую, согласившись встретиться с вами. Я может быть никогда и не предложил вам эти деньги, но судьбы переплела всё таким образом, что я помимо этого обещания, я дал обещание ещё одному человеку. Жена Андрея Слепнёва меня очень попросила узнать судьбу её мужа. И я согласился! Кто мог знать, что выполнение этих двух просьб будет связано между собой! Мне даже в голову не могло такое прийти. И когда я распутал историю Андрея Слепнёва, то просто онемел от того, что именно он спас сына и внука Гитлера от пули фашиста!

– Да, вы правы, Клод! Или как там вас на самом деле зовут.

– В те годы я был Куртом.

– Так как вас называть?

– Называйте меня по паспорту – Клодом.

– Да, очень странно всё это. И вы себе не представляете, как мы сожалеем о том, что Андрей погиб. Но что мы мо-

жем сделать теперь? – Хельмут задумался. – Дать денег семье Андрея?

– Они не возьмут, узнав кто вы на самом деле! – Залевский тоже задумался. – Знаете что? У русских есть такая традиция: поминать умерших на могиле выпитой водкой с хлебом. Давайте и мы его так помянём?

Прохожие оборачивались на трёх мужчин, которые пили русскую водку из стаканов, прямо посреди городка. Ещё больше недоумения у них вызывал стакан, наполненный водкой, который стоял у подножия памятника погибшим советским солдатам. Сверху стакан был прикрыт куском чёрного хлеба.

Глава вторая. Орёл. 1992 год

– Вадим Андреевич, вас к телефону, – сказала секретарша, заглянув в мой кабинет.

– Да, Слеспнёв у телефона! Когда? Завтра к десяти в главное управление? Хорошо! Буду!

– Лена! – крикнул я в полураскрытую дверь. – Главбуха и главного инженера ко мне!

Когда оба приглашённых зашли и присели я закурил.

– Завтра меня вызывают в Москву, так что, Виктор Степанович, утром планёрку проведёшь без меня. Валентина Сергеевна! Подготовьте командировку и выпишите мне аванс. И пошлите кого-то купить мне билет на вечерний поезд.

– А по какому вопросу вызывают? Не знаете?

– Ничего не сказали! Уж во всяком случае не хвалить! Это точно!

На следующее утро, заходя в кабинет управления, я не был уверен, что меня не снимут с должности. Все эти годы, руководя различными подразделениями министерства, я был уверен в том, что всё делаю на благо страны. После того, как министерство ликвидировали, я не был уверен уже ни в чём.

– Присаживайся, Вадим Андреевич!

– Судя по тому, как ты меня по имени отчеству назвал, разговор будет неприятный, – попытался я провести разведку боем.

– Ты знаешь, наверно впервые тебя интуиция подвела. Мы с тобой прошли весь Север, и ты никогда не ошибался. И только твой взрывной характер виноват в том, что в этом кресле сейчас сажу я, а не ты!

– Ладно тебе, Сергей Анатольевич! Вспоминать будем вечером! Если конечно пригласишь домой!

– Приглашу! Вале уже сообщил! Она нас ждёт к семи!

– Ну, а вызывал зачем? Не для того, чтобы водки попить?

– И для этого тоже! Не поверишь – выпить не с кем! Так чтобы по душам поговорить! Как-то изменились все с этой перестройкой и ускорением.

– И всё-таки, что звал? Не тяни!

– Если коротко: одна австрийская компания хотела бы по-

участвовать в разработке месторождений в Азербайджане. Там пока беспокойно, но скоро, как все уверяют, Алиев придёт и порядок наведёт. Поэтому капиталисты проклятые зашевелились. У них разведка тоже работает «будь здоров»! Так вот, зная твой опыт работы, они приглашают тебя в качестве консультанта для изучения вопроса строительства трубопроводов и разработки месторождений.

– А почему меня?

– А хрен его знает! Я сам сначала удивился. А потом прикинул – ничего удивительного. Ты у нас и Ухту, и Вуктыл стоил. Потом Уренгой, Таймыр, Ямал. Орденоносец, в конце концов! Кого, как не тебя? Так что иди сейчас к моему заму, берите переводчика, созванивайтесь и чеши в Вену!

– В Вену?

– А ты забыл, что столица Австрии – Вена?

– Я думал в Азербайджан лететь, а тут Вена! У меня же там отец погиб в сорок пятом! Понимаешь, Серёга! Неужели я смогу попасть туда?

– Сможешь, если анкета пройдёт! Ладно, давай занимайся, а вечером встречаемся дома!

В голове стучало так, как будто началась артподготовка перед наступлением. «Срочно звонить! Срочно звонить!» – только это теперь звучало в голове. Только это теперь было главное.

Уже ночью, во сне, ко мне пришла мама.

«Ну, вот, сынок, поезжай! А то отец тебя заждался! Толь-

ко землицы не забудь!»

Глава третья. Вена. 1993 год

Переговоры шли очень сложно. Представители западных компаний настаивали на заключении соглашения о разделе продукции до 2024 года. Представители Алиева из Азербайджанской Государственной нефтяной компании пытались добиться снижения этого срока. Никто не хотел уступать. Аргументы по окупаемости проекта и приведённые расчёты не помогали. Меня отозвал в коридор глава делегации и через переводчика попросил подумать о том, как можно прийти к компромиссу, чтобы все стороны были удовлетворены. Я объяснил ему, что единственным путём для заключения соглашения участниками образующегося консорциума "Азербайджанская международная операционная компания" является принятие концепции создания «Южного коридора».

– Но ведь это утопия! – возразил мне он.

– Да, это утопия! Но с этой идеей Азербайджан получит в руки рычаги воздействия на членов консорциума. Пусть эти рычаги будут для них как бонус! Мы то с вами знаем, что этот проект практически невыполним!

Он задумался и потом похлопал меня по плечу.

– Хорошая мысль! – сказал он и зашёл в зал переговоров.

– Объявляется перерыв для консультаций, – объявил он.

Все стали покидать зал. Я подошёл к представителю австрийской компании и объяснил, что мне надо съездить в Пайербах.

– Там могила моего отца! Он погиб...

– Я знаю, – ответил он через переводчика. – Мы знаем эту историю. Мало того, вам будет сейчас предоставлена машина и переводчик, чтобы вы туда съездили. Только скажите одно: что вы сказали председателю?

– Я ему сказал, то, что восточный менталитет нуждается в том, чтобы чувствовать себя в роли победителя. Вот я ему и предложил возродить химеру «Южного коридора». Пусть они почувствуют себя главными. А вы сделаете то, что даст вам возможность более четверти века качать деньги из этой страны.

– Не зря нам вас рекомендовали, Вадим! Машина и переводчик в вашем распоряжении. Вечером деловой ужин. Это на ваше усмотрение.

Дорога показалась вечностью. Мне даже не хотелось рассматривать всё вокруг. Главное было скорее доехать. Мои спутники видимо чувствовали это и даже не пытались со мной разговаривать. Когда мы подъехали к памятнику, у меня пересохло в горле.

Возле плиты лежал большой букет гвоздик. Я подошёл и стал жадно вчитываться в список павших. Знакомая фамилия имя и отчество подкосило мои ноги. Я опустил на колени, а затем упал к подножию памятника.

– Папа! Боже мой! Папочка! Вздрагивая, я не стеснялся своих слёз. Только потом, когда слёзы закончились, я оглянулся и увидел, как вокруг меня собрались люди. Все стояли молча и вглядывались в моё лицо.

Я встал и подошёл к выбитым на камне именам. Указав на фамилию Слепцов, я громко сказал:

– Майн фатер! Майн либе фатер хир!

Достав из кармана платок, я вытер слёзы. Вспомнив о матери, достал из кармана пакет с землёй. Земля с могилы матери падала на землю могилы отца. Так они встретились.

Я отошёл и присел на лавочку. Рядом со мной присел пожилой мужчина в шляпе.

– Наконец ты, Вадим, смог выполнить волю матери! – сказал он.

Я не сразу понял, что он сказал. Я только кивнул, и вдруг меня осенило, что я знаю этот голос. Посмотрев на него, я попытался вспомнить кто это, но не смог. Он протянул мне бутылочку с водой и стакан.

– Это вода! Попей! – сказал он мне.

Я выпил и тут же вспомнил. Он был совсем другим. Но голос!

– Курт?

– Да, это я! Но называйте меня, пожалуйста, Клод! Что сильно изменился?

– Да!

– Это пластическая операция. С тех пор, как я покинул

ваш дом, мне пришлось много пережить, Вадим. Прошу прощения, Вадим Андреевич!

– Как вы здесь? И откуда... Господи! – я закрыл лицо руками. – Фотография! Как же я не догадался! Мама рассказала нам всё перед смертью. И теперь эти переговоры... Это всё вы?

– Я пообещал твоей маме! Теперь я спокоен. Ты вполне достоин своего отца. Я выполнил все свои обещания. Ты знаешь, Вадим, почему-то именно в конце пути возникает желание выполнить то, что ты пообещал сделать. Ты не поверишь, но это ещё не всё!

– Что не всё?

– То, что ты принёс родную землю на могилу отца – это ещё не всё! Я должен познакомить тебя ещё кое с кем.

– Кто же ещё?

– Только давай, чтобы у тебя не было потом никаких вопросов, мы отпустим твоих сопровождающих и машину. А я тебя потом отвезу в гостиницу.

– Ладно!

Я подошёл к переводчику и сказал, что встретил соотечественника, который меня доставит в гостиницу. Они уехали. Подойдя к скамейке, я увидел, что возле неё стоят два человека и пристально смотрят на меня.

– Познакомься, Вадим! Это Хельмут, а это Георг!

Глава четвёртая. Пайербах. 1993 год

– В тот день мы спрятались в пустом брошенном доме. Кругом шли бои. Из Вены мы ушли, так как наша квартира оказалась разбитой. – Хельмут вытер пот со лба и продолжил. – Сначала нас подвезли на попутной машине, а потом пришлось идти пешком. Здесь было тихо, и мы решили переждать весь этот кошмар. Вечером приготовили покушать на костре и расположились на ночлег. Дом был большой. Хозяйева видимо спешно бежали, поэтому в доме было всё: и постель, и одежда, и даже немного еды. Забравшись в погреб, я нашёл две бутылки вина. Рано утром я вышел во двор и тут же почувствовал, как в спину упёрся холодный ствол автомата. Мне закрыли рот и ввели в дом. Вся семья оказалась под прицелом этих скотов. Они ударили меня и мою жену. Дети заплакали. Они чуть нас не убили. Потом, видимо, решили нас оставить в живых, как заложников. Они сказали принести им еду и вина. Когда раздались на улице голоса русских солдат, они направили на нас автоматы и заставили молчать.

Хельмут вздохнул, и на его глазах выступили слёзы. Через минуту он продолжил.

– Ваш отец ни на секунду не раздумывал, когда стало понятно, что фашисты всех расстреляют. Он накрыл своим телом всех нас и в последний момент затащил под себя Георга. Когда бандитов убили, Андрей ещё был жив.

– Он даже спросил у меня по-немецки как меня зовут. – Георг глянул на меня.

– И я ему сказал, что меня зовут Георг. После этого он улыбнулся и умер.

– Мы похоронили его здесь! – Хельмут показал на место возле памятника. – Потом пришли солдаты и стали выгружать здесь трупы солдат, погибших в округе. Набралось около ста тел. Наш главный переписал фамилии тех, кого опознали и у кого были документы. Документы Андрея забрал командир, но мы успели узнать его имя.

– В конце сорок пятого мы были на приёме у военного коменданта. Он пообещал вам всё сообщить. Мы попытались узнать ваш адрес, но почему-то нам никто не мог его дать. Генерал всё-таки нашёл нас и тихонько сообщил, где жил Андрей. Так мы узнали о вас. – Георг достал из кармана пачку аккуратно сложенных бумажек.

– Это квитанции об отправке писем вам. – Хельмут посмотрел на меня. – Вы получали их?

– Нет! Мы не получили ни одного. – Я взял и прочитал адрес отправки. Всё было правильно написано. – До нас не дошло ни одно письмо.

– Мы так и думали. Я не знаю почему, но ещё в конце сорок пятого, нам показалось, что с вашим отцом связан какой-то секрет. Я пытался узнать, но ничего не получилось. – Хельмут смотрел на меня, ожидая объяснений.

– Я ничего не могу вам объяснить. Не потому, что не хочу.

Мы тоже ничего не знаем до сих пор.

– Позвольте мне! – впервые в разговор вмешался Курт. – Я узнал почти всё об этой истории. Особого секрета здесь нет. Просто при представлении Андрея Никитовича к награде, документы почему-то попали к Лаврентию Берия. Видимо он выяснил, что спасённые советским солдатом люди оказались наследниками Гитлера. Именно поэтому герою не дали награды, а семья ничего не могла узнать.

– Это настолько чудовищно! – Хельмут снова стал вытирать пот. – Это страшное клеймо постоянно преследует нашу семью. Вадим, мы ничего общего с диктатором Гитлером не имеем! Я ни разу его даже не видел. Только этот господин сказал нам, что Гитлер приказал Мюллеру заботиться о нас. Через господина Залевского нам даже предлагали деньги! Много денег!

– Но мы не взяли себе ничего! – Георг глянул на памятник. – Мы договорились с Клодом, что на проценты от той суммы мы будем еженедельно возлагать к этому памятнику сто красных гвоздик. Многие годы мы делаем это.

– Если вы хотите, – Хельмут повернулся ко мне, – заберите эти деньги себе!

– Да, Вадим! – подтвердил Курт. – Я смогу это устроить! Я посмотрел на них и опустил глаза.

– Нет! Конечно, я не возьму эти деньги! Мама уже умерла, а мы все живём нормально. Да и сама мысль о происхождении этих денег не дала бы мне жить спокойно. Нет! Мне эти

деньги не нужны! А цветы – это хорошо! Спасибо вам!

– Вам спасибо! – Хельмут и Георг встали. – Что мы можем сделать для вас?

Я тоже встал.

– Вы ни в чём не виноваты. Не надо себя корить, что так получилось. Отца уже не вернуть, а время лечит всё! Единственное, что я вас попрошу – это принять моего сына, когда он приедет на могилу к деду. Сейчас, наверно, это сделать будет проще. Я вам напишу!

– Конечно! Мы всегда будем рады вас видеть. Приезжайте!

Мы расстались, и я вскоре уехал.

Глава пятая. Хохфильцен. Февраль 2017 год

Небольшой отель Вармингерхофф был заполнен до отказа. Перед стойкой Андрея ждал Георг.

– Привет! Ты – Андрей?

– Привет! А ты – Георг?

– Да!

Они пожали друг другу руки.

– Пойдём! Я уже положил свои вещи в комнату. Кушать хочешь?

– Сейчас приму душ и с удовольствием что-то перекусил бы. А ты совсем неплохо говоришь на русском!

– Я всю жизнь его учу! Жаль практики маловато! Но ничего! Пока ты будешь здесь – буду разговаривать только на русском.

Через полчаса в уютном кафе сыр и пунш растопили напряжённость в общении.

– Завтра мужская эстафета! Пойдём?

– Конечно! Я впервые на чемпионате мира по биатлону.

– Я тоже! Хотя у нас здесь в Австрии часто бывают подобные соревнования, всё равно предпочитаю смотреть это по телевизору!

– У нас на Украине такого вообще не увидишь вживую!

– Как там у вас?

– Плохо! Всё плохо! Но жить как-то надо!

– Да! Подумать только – двадцать первый век! А людей продолжают убивать на войне!

Георг поймал на себе пристальный взгляд Андрея.

– Что? Что-то не так?

– Нет! Всё нормально!

– Ах! Да! Ты наверно ищешь сходство?

– Угадал! Как-то произвольно получилось!

– Ничего! Папа предупреждал меня когда-то, что это неизбежно!

– Я соболезную. Как это случилось?

– Сердце! Умер во сне!

– Странно как-то!

– Что странно?

– Мой отец умер в двухтысячном и твой тоже!

– Да, но твоему было всего шестьдесят четыре! А мой прожил почти на двадцать лет больше!

– Жаль, что я не знал твоего отца!

– Жаль! Он всю жизнь помнил, что твой дед спас нам жизнь! Даже когда уже не мог ходить, всегда просил нас отвезти его к памятнику. А тринадцатого апреля каждого года он поминал его на могиле по русскому обычаю: полстакана водки и кусочек чёрного хлеба!

– Сколько лет прошло! Семьдесят три года!

– Да! Мне в следующем году будет восемьдесят! А я всё помню, как будто это было вчера!

На следующий день, 18 февраля, мы вместе праздновали победу российской сборной!

– Ты же украинец? – не унимался Георг.

– Я и украинец и русский! Мама русская, а папа украинец.

Кто я по-твоему?

– Не знаю! Я видел, как украинские болельщики скрипели зубами, когда русские выиграли.

– Это не украинцы! Это нацисты!

– Как нацисты? Опять?

– Да, Георг, да! Дело в том, что кому-то очень хочется поспорить русский и украинский народ. Но у них ничего не получается! Две трети жителей Украины и почти все жители России считают друг друга братьями. И так есть на самом деле. А то, что верещат всякие недоумки с экранов телеви-

зоров – это просто смешно. Все смеются, а они верещат, как кастрированные коты. Ну, да бог с ними. Это ненадолго!

– Жаль, что опять гибнут простые люди!

– Да! Вот это конечно жаль! Но придёт время, и они ответят за это! Даже если смогут избежать справедливого суда здесь, то там, – Андрей показал наверх, – придётся за всё ответить! Давай не будем об этом?

– Давай, Андрей! Через час приедет мой сын за нами, я вас познакомлю, и мы поедem к нам в Пайербах. Сходим на могилу моего отца. На могилу твоего деда!

– Как это всё странно! Подумать только! Офицер НКВД своим телом спас от пули власовца – сына Гитлера!

– Звучит как бред какой-то! Если бы мы с тобой не знали, что это чистейшая правда, то в это поверить просто было бы невозможно!

– Мы с тобой, Георг, сейчас спокойно сидим и рассуждаем об этом. И это правильно! Память о том времени тем и хороша, что её забыть невозможно!

– Да, Андрей! Ты прав! Сейчас многим очень хочется переписать историю! Но не получится! История не прощает забвений!

– История не терпит инсинуаций, так как тогда неизбежно наступает цирроз совести.

Эпилог

Существуют причины, по которым нельзя некоторых персонажей называть своими именами.

Существуют причины, по которым места событий были намеренно изменены.

Существуют причины, по которым невозможно оправдать реанимацию нацизма.

И не существует оправданий того, что сотни миллионов человек погибли и продолжают погибать в различных войнах и конфликтах на Земле.

Господи! Когда же наступит такое время, когда на нашей планете воцарится мир и тишина? Дожить бы...

Ангела Доротея Адольфовна Шикельгрубер – Ротшильд

Глава первая

– Жила-была старая, злая проститутка. Не то чтобы она торговала бессовестно своим телом, нет, она торговала своей душой. Детей у неё не было, потому что муж у неё был геем. Однажды в ту страну, где жила старуха, приехали заокеанские богатеи. Они надели на неё ошейник и посадили на крепкую цепь. Строго-настрога запретили они водиться с теми, кто им не нравился, и гавкать приказали только по их команде, и на того, на кого они укажут. Старуха, понимая, что если она откажется, ей припомнят все гадости, что она сделала, от такой жизни стала ещё злее и подлее.

– Пап, а ты уверен, что это добрая сказка. Ты как начал рассказывать, так у меня весь сон прошёл.

– Запомни, сынок, добрых сказок не бывает.

– Как не бывает? Сказки же все добрые.

– Ну, давай, посмотрим. Например «Колобок». Весёлый сказочный персонаж. Всем пел песенки, в конце концов, его успешно съели. Дальше – «Сказка о золотой рыбке». Как жили бедно старуха со стариком, так остались бедными, лишь

подразнила рыбка их хорошей жизнью, «и уплыла в сине море». Где здесь добро, сынок?

– Ну а «Красная шапочка», где добро победило зло?

– Сынок, если бы волк проглотил бабушку, то в желудке, без воздуха, в агрессивной среде желудочного сока, бабушка и минуту не прожила. Просто грустную правду жизни заменили на иллюзию добра.

– А «Конёк-горбунок»?

– Сынок, никто, никогда из кипятка не выходил своим ходом живой. Сварился там Иван-дурак, насовсем сварился. И так во всех сказках. Все они должны заканчиваться трагедией, которые произошли на самом деле. Люди просто поменили финал, и получается добрая сказка, которая не могла произойти на самом деле. Не убедил?

– Нет!

– Смотри, «Репка» – обман, не вытащили они эту репку, но придумали собаку, кота и мышку, которые, ни при каких условиях, не могут тянуть друг друга. Дальше – «Курочка ряба». Немощные от голода дед и баба, уже не могут разбить яйцо. В доме – беспорядок, кругом бегают голодные мыши, машут хвостами, и одна из них смахивает яйцо со стола. Яйцо спокойно разбивается, мыши его съедают, а курочка обещает им снести золотое яйцо. Обещает, но сказка кончается и мы подозреваем, что обещание, так и осталось обещанием, а вот судьба голодных стариков уже не вызывает сомнения. Ещё? Пожалуйста. Сказки про Иван Царевича. Этот, в

отличие от Ивана-дурака не прыгает в кипяток, а борется со всякой нечистью с помощью вполне реальных орудий – лука и стрелы. Но, если предположить, что он всё-таки их всех побеждает, что весьма сомнительно, то окончание этих сказок вызывает большие сомнения. «Пожились они и жили долго и счастливо». Никогда сынок, никогда свадьба не являлась залогом долгой и счастливой жизни. Да и люди тогда жили недолго – по пятьдесят лет, ну а цари и того меньше. Их и взрывали, и травили, и убивали зверски, а с жёнами их вообще ужасные вещи происходили. В общем, доживали до старости единицы, а это величина ничтожно малая, которой можно пренебречь. Так что статистика говорит обратное – никогда цари с их жёнами не жили долго и счастливо, врваньё!

– Я, пап, всё равно вспомню добрую сказку и тебе расскажу.

– Ну, хорошо, вспоминай. А пока – на чём мы там остановились?

– На старухе, у которой был муж – гей.

– Да? А ну конечно, вспомнил. Так вот, старуха эта жила в Германии, там, где наши немцев победили в сорок пятом году, там ещё ими Гитлер командовал. Когда она была молодая, у неё был покровитель, проще говоря любовник – Гельмут Коль. Он-то из комсомолки и сделал проститутку, которая в знак благодарности подло предала своего патрона. А ведь это именно он выбирает эту молодую женщину из Восточной Германии – разведенную, без детей, сожитель-

ствующую вне брака – на пост министра по делам семьи, молодежи и женщин! За каких-нибудь четырнадцать месяцев коммунистка, отвечавшая за пропаганду в восточногерманской организации «Немецкой свободной молодежи», становится министром от молодых западногерманских христианских демократов. На самом деле старуху когда-то звали Ангела Доротея Каснер. Она в 1977 году вышла замуж за студента-физика Ульриха Меркеля, но уже через пять лет брак завершился разводом. Сейчас Ангела Меркель замужем за квантовым физиком профессором Иоахимом Зауэром, который никогда не скрывал свою ориентацию на гомосексуализм. На Иоахиме Зауэре лежит только одна семейная обязанность – закупать продукты по списку к столу.

Михаил, глянув на спящего сына, ухмыльнулся: «А мне говорят, что я не умею рассказывать сказки для детей». С этими словами он поднялся и, поправив одеяло на спящем мальчике, пошёл наливать себе виски. Он был пьющим евреем, и это очень не нравилось его маме. Но это, нравилось ему, поэтому они жили отдельно – папа с мамой в Америке, а его семья – в Израиле.

Глава вторая

Майер ненавидел свой убогий дом. Уже не оно поколение его предков влачили жалкое существование в этой хибаре. Улица, на которой дом находился, была перегорожена с обеих сторон и называлась Юденгассе (еврейская улица), где возле запиравших вход и выход тяжелых цепей постоянно стояла стража. На углу дома болталась на цепочке красная табличка (по-немецки – ротшильд), от названия которой семья, обитавшая в этом доме, и получила свое прозвище-фамилию. Молодой Майер Ротшильд обучался ремеслу в городе Ганновере (Северная Германия), поскольку в этом городе власти были более снисходительны, чем во Франкфурте, к обитателям еврейского гетто. А когда после нескольких лет, проведенных в качестве ученика в банкирском доме Оппенгеймеров, Майер Ротшильд в 1764 году возвратился домой, во Франкфурт, здесь ему сразу же напомнили, что, согласно закону Франкфурта, каждый мальчишка на улице может крикнуть ему: «Жид, знай свое место!» И он должен был, втянув голову в плечи, пробираться по улице, робко прижимаясь к стене, сняв при этом с головы островерхий колпак. За время, пока он учился в Ганновере, семья его во Франкфурте окончательно обеднела. Жили они теперь не на «богатом конце» Юденгассе и не в доме под красной вывеской, а в ветхой сырой лачуге, где, по тогдашним устоям, с карни-

за свисала сковорода на цепочке, и дом этот так и назывался – «дом под сковородой». В этом-то доме, темном и жалком, и открыл свою маленькую фирму Майер Ротшильд. Там он оборудовал уже некое подобие лавки денежного менялы, где проезжие купцы могли поменять деньги одних германских княжеств на валюту других. Так возник первый банк фирмы Ротшильдов – в комнатушке, на четырёх квадратных метрах. Расширение деловых связей Ротшильда, в конце концов, привело к тому, что на стену «дома под сковородой» в 1769 году прибили новую вывеску. На ней уже красовался герб герцогского дома Гессен-Ханану. Дела пошли в гору и вот, через некоторое время, пробил час, когда разбогатевшее семейство Ротшильдов смогло переселиться в новый дом – уже «под зеленой вывеской»

– и стало вместо Ротшильдов называться Грюншильдами («грюн» по-немецки – зеленый). Некоторое время Ротшильды даже всерьез подумывали, не взять ли это их новое уличное прозвище в качестве фамилии, но потом все же решили остаться при старой фамилии. С ней они и вошли в историю. Настоящий «финансовый взрыв» подготовил уже не сам Майер Ротшильд, а его пятеро сыновей, ставшие финансовыми воротилами Германии, Англии, Австрии, Италии и Франции. Мейер имел 10 детей, из них 5 сыновей, которые унаследовали и продолжали его дело в 5 разных странах: Натан отправился в Англию, в Лондон, Соломон в Вену, Амшель остался во Франкфурте, Кальман отправился в Неа-

поль, а Джеймс – в Париж.

Соломон жил и работал в Вене один, поскольку его жена временно проживала в Германии, а единственный сын постоянно жил и вел бизнес во Франции. Соломон был очень прихотлив, поэтому служанок менял, как перчатки. Когда он со скандалом выгнал очередную – черноволосую толстушку Магдалену, ему, наконец, повезло. Через окно он заметил молодую женщину, одетую бедно, но опрятно. Выйдя на крыльцо дома, Соломон её окликнул. Женщина подошла, и представилась как Мария Анна Шикльгрубер, из деревни Штронесе, под Дёллерсхаймом из Нижней Австрии. После недолгой беседы они договорились об условиях работы и об оплате. Служанкой она оказалась на редкость проворной во всех отношениях, и через некоторое время они стали нередко находиться не только в одном доме, но и в одной постели. Одинокие мужчина и женщина, постоянно находящиеся в поле зрения друг друга, имеют на это право. Шло время, и, как предназначено природой, женщина забеременела. Соломон, как и его знаменитый предок, принял единственно правильное решение – откупиться. Посчитав, сколько бы он заплатил за продажных женщин, он поделил получившуюся сумму пополам и отдал Марии, попросив её более его не беспокоить. Седьмого июня 1837 года, в деревушке Штронесе, в сорок два года она родила незаконнорождённого сына Алоиза Шикльгрубера.

Глава третья

В ночной тиши, когда на вечный город Иерусалим опускалась прохлада, Михаил любил сидеть и смотреть на звёзды. Глоток виски скрашивал созерцание, но мысли уносили его в недавнее прошлое, когда жена принесла ему прочитать эту злосчастную статью. Он решил перечитать её вновь и включил свет.

«По данным многих источников стало достоверно известно о том, что Ангела Меркель появилась на свет из замороженного сперматозоида Адольфа Гитлера, внедренного методом экстракорпорального оплодотворения в матку младшей сестры любовницы Гитлера Евы Браун – Гретль. Операцию провел один из родоначальников искусственного осеменения, один из самых безжалостных военных преступников, немецкий врач Карл Клауберг, который проводил медицинские эксперименты над людьми в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны. Когда Красная Армия подошла к Освенциму, Карл Клауберг был переведён в Равенсбрюк, чтобы там продолжать свои опыты. В Равенсбрюке он попал в советский плен. В 1948 году ему был вынесен приговор в Советском Союзе в виде лишения свободы сроком на двадцать три года. Спустя семь лет, по условию договора между СССР и ФРГ об обмене военнопленными, был возвращён в Германию, где он хвастался своими научными

достижениями. После протестов и жалоб со стороны пострадавших от нацистов и узников концлагерей, Клауберг был вновь арестован в 1955 году. Умер он в тюрьме Килья девятого августа 1957 года».

Тогда они оба посмеялись над этим материалом и забыли. Однако, два года назад, они наткнулись на рассекреченные недавно архивы спецслужб Германии. Достоянием общественности стали подробности смерти Карла Клауберга в тюрьме. Данные говорили о том, что заключённый был отравлен ядом замедленного действия седьмого августа, за два дня до смерти. Яд был подсыпан ему в еду охранником Стефаном Грабе. Через двое суток Клауберг умер. В тот же день, но на два часа раньше, погиб в автомобильной катастрофе и сам Стефан Грабе. Необыкновенный город Киль, расположенный вокруг залива Хорн, основанный в 1233 году графом Адольфом четвёртым, так ничего и не узнал об этих двух загадочных смертях. Но вместе с рассекреченными этими данными, они с супругой отыскали еще кое-что. Это были материалы из дневников Карла Клауберга. Современные учёные, констатировали, что он не только опередил время в своих экспериментах, но и успешно применил их на практике. Мало того, семенной жидкостью Гитлера оплодотворили не только Маргарет Гретль Браун, бывшую любовницу Гитлера и сестру жены Гитлера Евы Браун, которой тогда было уже под сорок, но и ещё двенадцать женщин от восемнадцати до тридцати лет, согласившихся на эксперимент доброволь-

но. Из тринадцати оплодотворённых, нормально забеременели только семь, но три младенца умерли недоношенными. Двое детей родились без патологий, однако мальчика среди них не было. Гретль Браун, будучи беременной, стала супругой Курта Берлингхоффа. На фотографиях того времени никто не видел Гретль беременной, но даже в те времена фотографы умели творить чудеса. Девочку, которую родила Гретль двадцатого апреля (а не семнадцатого июля, как указано в официальных документах) 1954 года, назвали Ангела. Это именно она, в будущем, станет Ангелой Меркель. Девочку отдали на усыновление приемным родителям, в семью священника Хорста Каслера, где она по всем документам числится до сих пор третьим ребёнком. Фамилия Меркель досталась ей от первого мужа Ульриха.

Судьба второго ребёнка осталась неизвестной.

Прочитав всё это, он и его жена перенесли настоящий шок. Супруга Михаила приняла решение раскопать всю эту тёмную историю и предать её на суд общественности.

Глава четвёртая

Алоис Шикльгрубер родился седьмого июня 1837 года в деревушке Штронез, под Деллерсхаймом, у сорокадвухлетней незамужней крестьянки Марии Анны Шикльгрубер, которую безжалостно выгнал Соломон Ротшильд.

Ребёнок получил фамилию своей матери, так как в документе о крещении ребёнка поле с именем отца не было заполнено, и стояла пометка «незаконнорождённый». Когда Алоису было уже 5 лет, Мария Анна Шикльгрубер вышла замуж за подмастерья мельника Иоганна Георга Гидлера. При регистрации брака Алоис так и остался с фамилией матери и незаконнорождённым. Мария Анна умерла через пять лет после замужества от истощения, в связи с грудной водянкой. А Иоганн Георг Гидлер умер через десять лет после жены в 1857 году. Гитлером Алоис стал называться только с шестого января 1876 года, когда ему было уже тридцать девять лет. Именно тогда он впервые подписался «Гитлер». Эта фамилия стала в таком виде из-за ошибки священника при записи в «Книгу регистрации рождений». В 40 лет Алоис отказался от всех контактов со своими родственниками по матери Шикльгруберами и стал окончательно Гитлером. Будучи женатым на одной, Алоиз вступил в любовную связь со спокойной, мягкой Кларой Пельцль. В январе 1885 он женился на ней, получив на это специальное разрешение из Ри-

ма, так как новая жена формально приходилась ему близкой родственницей. В следующие годы Клара родила двух мальчиков и одну девочку, но все они умерли. 20 апреля 1889 у Клары родился четвёртый ребёнок, которого они назвали Адольф.

Когда Адольф Гитлер вырос, он узнал о своем настоящем происхождении. Поэтому, сразу после кончины своей матери, он уехал в столицу, где почти год налаживал связи со своими знатными родственниками, готовя почву для дальнейшего своего роста в интересах общего дела родовой династии. Именно тогда стала известна его принадлежность к клану Ротшильдов.

Ставящие во главу угла родственные узы масоны, к которым относится род Ротшильдов, всегда имели много внебрачных детей. Эти дети росли и воспитывались в приемных семьях, но их кровные родственники никогда не забывали о них и не выпускали их из вида. Ни Ротшильды, ни Рокфеллеры не были в этом случае исключениями. На примере Билла Клинтонна, происходящего из рода Рокфеллеров, можно судить о том, что все эти внебрачные дети становились очень успешными в разных сферах своей деятельности. Гитлер тоже имел незаконнорожденных детей. Можно утверждать наверняка, что некоторые из них еще живы и продолжают его родовую ветвь.

Масоны, к которым принадлежат Ротшильды, очень подвержены идее кровного родства, поэтому совершенно есте-

ственно, что стремясь к мировому господству, к власти был допущен Гитлер, принадлежавший к одному из ответвлений известной династии. Всем давно известно, что представители этого, и ещё нескольких родов, сумели овладеть влиянием в большинстве областей жизни мирового сообщества. Уже много лет они занимают ведущие и руководящие позиции в финансах, в политике, в средствах массовой информации, в области военного дела и даже в королевских семьях. Из недр этой династии вышли практически все президенты Америки. Первым стал Джордж Вашингтон еще в 18 веке. А уже на рубеже 20 и 21 веков президентское кресло занял еще один представитель клана – Джордж Буш. В результате хитроумных и жестких интриг все члены семьи занимают важные, высокие посты. Стоит ли говорить, что мировая бойня, вовлекшая в себя руководимые ими страны, финансировалась за счет средств масонских братств во главе с Ротшильдами. Не удивительно, что организация, приведшая к управлению страной Адольфа Гитлера, стремилась поставить у руля только лидера из собственной династии.

«Наряду с другими народами мира, евреи – это только рабочий скот. Они обязаны трудиться, чтобы представители власть имущих могли беспрепятственно осуществлять глобальный контроль, охватив весь мир и всюду поставив своих соратников, принадлежащих к братству масонов», – так учили Гитлера Ротшильды. Ротшильды и стали той финансовой силой, которая стояла за спиной нацистского лидера. Пред-

ставители этой «иудейской» династии изначально декламировали покровительство людям еврейской национальности, но, преследуя собственные цели, беззастенчиво использовали еврейский народ, попирая его веру и откровенно презирая и уничтожая его.

Глава пятая

Жанна в тот день, двенадцатого октября 2015 года, принесла домой свежие материалы по делу «Ангелы Адольфовны Гитлер», как она сама его называла. Поужинав на «скорую руку», они принялись всё это внимательно изучать. За выходные накопилось много материала. Особенно удивил один вопрос от журналистов разных стран: «Где вы нашли рассекреченные данные, на которые ссылаетесь?» Жанна начала отправлять всем ссылку по электронной почте, однако все тут же сообщали нам о том, что ссылка пустая. Мы проверили – точно, по ссылке материала не было. Тогда мы стали искать сохранённую копию в своих закладках – тоже ничего. Все материалы исчезли. Жанна успокоила всех, что она успела распечатать материал, так что завтра она их отсканирует и отправит из офиса. С нами связались по телефону ребята из одной известной организации хакеров. Они тоже просили им прислать копию и объяснили – как это сделать. В конце разговора они сообщили нам о том, что та информация была в сети только пятнадцать секунд, и это просто удача, что Жанна успела её скопировать и распечатать.

– Видимо люди Ангелы тоже не дремлют, если так оперативно сработали.

– Да, произнёс Михаил, мне только не нравится, что исчезла копия из памяти нашего компьютера. Это могли сде-

лать только люди высокого класса, а поэтому наверняка всё то, что мы с тобой делаем, им известно, а это уже не совсем хорошо. Ладно, давай ложиться.

Утром, как обычно, Жанна взяла ребёнка и повезла его в школу. Через пару минут раздался звонок:

– Миша, у меня машина не заводится.

Он выскочил на улицу, осмотрел машину и увидел лужу возле бензобака.

– Ты вчера ударялась где-то? Я имею в виду машину.

– Да я каждый день где-то ударяюсь, особенно, когда переезжаю бордюр возле офиса, чтобы припарковаться.

– Ну, в общем, ты пробила бензобак и весь бензин вытек. Оставляй ключи, я постараюсь к вечеру всё сделать. Ребёнка успеваешь завести?

– Успеваю.

Они побежали на автобус, а Миша пошёл переодеваться, чтобы отвезти машину на СТО.

Автобусы – это гордость Израиля! Ходят строго по расписанию, всегда в них тепло, а когда жарко – прохладно. Но главное: они ездят быстро. Так что в городах многие и не пользуются своими машинами, предпочитая добираться на работу автобусами.

Жанна быстро отвела сыночка в школу и побежала на остановку. «Теперь нужно ехать на семьдесят восьмом маршруте», – вспомнила она. Ждать пришлось не долго, и она, заплатив за билет, спокойно села возле окна. На следу-

ющей остановке вошло много людей, и она, нажав кнопку остановки, начала пробираться к выходу, чтобы на следующей выйти. За спиной раздался первый выстрел. Она обернулась и увидела разъярённое лицо террориста. Он внимательно посмотрел на неё и прицельно выстрелил ей в голову. Падая, она увидела, как второй террорист начал размахивать ножом, рая людей, но его успел застрелить полицейский.

Погибло три человека, много было ранено. В сообщения мировых агентств запестрели сообщения о теракте, в котором погибло два человека. Тело Жанны было тут же вывезено в неизвестном направлении. Михаил смог что-то узнать о ней только через три дня. На четвёртый день ему отдали тело, и через три часа её похоронили. Никаких бумаг, которые везла его жена, ни сумочки, ни телефона обнаружено не было.

Позже, знакомые журналисты выяснили фамилии жертв теракта, но среди погибших Жанна Фиртель, его жена, не числилась. Не известной осталась судьба второго террориста, который стрелял из пистолета. В убитых он не значится, а везде его называют просто террорист, которого так до сих пор никто не смог найти.

Глава шестая

Михаил решил всё-таки закончить статью, которую они с Жанной готовили всё это время. Уже не потому, что ему нужна была правда, а только потому, что за это убили Жанну. Когда статья была закончена, у него осталось ощущение недосказанности, и он пытался найти слова, которых не хватало в окончании. Для этого он ещё раз её прочитал:

«Кайзер Вильгельм Второй привёл Германию к разрушению в Первой мировой войне. Рождённый с неработающей рукой, Кайзер Вильгельм был внуком Королевы Виктории и отцом дяди сегодняшней Елизаветы Второй. Кайзер Вильгельм не случайно выбрал Макса Варбурга главой секретной службы Германии. Варбурги и Ротшильды контролировали немецкий Центробанк, который был основан Майером Ротшильдом. Пока они финансировали Германию в первой мировой войне, их брат Пол Варбург помогал финансировать другую сторону, продавая военные бонды через банк Федерального Резерва. Печатные станки Варбурга и Ротшильда работали без остановки на обоих берегах Атлантики, выпуская деньги смерти. Переговоры по Версальскому соглашению после Первой мировой войны проходили в замке ещё одного Ротшильда – Эдмун де Ротшильда. На переговорах присутствовал со стороны Америки Пол Варбург, а со стороны Германии – его родной брат Макс Варбург. Как забав-

но бы было наблюдать за этим хорошо разыгранным спектаклем, если бы не одно «но»: в Первой мировой войне, и в последовавших за ней различных вооружённых конфликтах, участвовали около 65 миллионов солдат, из более чем 30 стран мира. Число погибших – около 20 миллионов человек. Война принесла Ротшильдам около 100 миллиардов долларов.

В своей книге «Уолт стрит и Гитлер» профессор Энтони Саттон предоставляет документальные доказательства, что американские корпорации поставляли деньги, топливо, машины и оружие, которое помогло Гитлеру начать Вторую мировую войну. Поставляли они всё тоже и Советскому Союзу, который её и закончил. Руководили всем этим Ротшильды и Рокфеллеры.

Отец Джорджа Буша и дедушка Буша младшего поставляли сырьё и большие суммы денег в кредит гитлеровскому Третьему Рейху. Они финансировали организации Третьего Рейха через своего немецкого партнёра Фрица Тайзена. Этот известный нацистский промышленник написал книгу-признание под названием «Я платил Гитлеру».

Профессор Саттон перечисляет Рокфеллеров, Генри Форда, Моргана, Ай Ти Ти и Дю Понс в списке поставщиков германской программы перевооружения. Почему еврейские промышленники-финансисты помогали такому монстру и антисемиту как Гитлер? Разгадка – в происхождении самого Гитлера. Общеизвестно, что Гитлер очень старался, что-

бы скрыть происхождение своей семьи. Он даже организовал убийство австрийского Канцлера Долгуса, который занимался исследованием истории семьи Гитлера. Результат расследования Долгуса сейчас в руках британской разведки. Там тоже рассказано и показано, что бабушка Гитлера Мария Анна Шикльгрубер работала в Вене служанкой в доме Соломона Ротшильда. Эта информация взята из её карточки обязательной регистрации. Там же говорится, что Соломон был известен как большой бабник. Когда беременность Марии Анны Шикльгрубер была обнаружена, она была уволена. Итак, теперь известно всем, что Адольф Гитлер – внук Соломона Ротшильда. Известен он как самый злой человек в истории. Но ещё более тёмные личности – люди, которые дали ему власть и финансировали Вторую мировую войну – династия Ротшильдов! Это именно они многократно увеличили свои состояния на войне, и в любом кровавом эпизоде войны – их вина. Вина в том, что в войну были втянуты шестьдесят одно государство мира с общим населением около 1.7 миллиарда человек. Около 70 миллионов человек погибли. Вторая мировая война принесла Ротшильдам несколько триллионов долларов, что позволило им контролировать более половины мировой экономики.

Еврейская история была написана евреями, которые говорят, что евреи – это избранный Богом народ. Библейское предсказание говорит, что однажды они будут править миром из храма в Иерусалиме, и Царь Царей будет потомком

Царя Давида и Царя Соломона из Израиля.

Ротшильд, компании которого финансировали Гитлера и концентрационные лагеря, превратил жертв Холокоста в угнетателей. По оценкам Саймона Шама Ротшильду принадлежит восемьдесят процентов земли Израиля. Даже на флаге Израиля изображена пиктограмма с фамильного герба Ротшильдов. Пиктограмма имеет шесть вершин, шесть треугольников и шесть сторон в центральной пиктограмме. Номер 666 соответствует библейскому предсказанию апокалиптической Третьей мировой войны.

Так разве случайно сейчас, когда история самых кровавых двух войн усиленно стирается из памяти людей, и переписывается история, во главе Германии оказалась Ангела Доротея Адольфовна Шикельгрубер – Ротшильд? Может пора сделать выводы и указать на дверь тем, у кого чешутся руки развязать Третью мировую войну, в которой не будет победителей? Или опять пойдём убивать друг друга под придуманными лозунгами и псевдопатриотическими призывами, на радость Ротшильдам, Рокфеллерам, Морганам и другим «владельцам планеты Земля», как они себя сами называют? Хотя ни в одном современном журнале «Форбс» нет фамилий самых богатых людей планеты, которые упоминались выше, практически всё на этой Земле принадлежит им. В информационном поле мира о них тоже пишут очень, очень мало. Однажды, один из Ротшильдов на очередной вопрос журналиста о том, почему о них так мало пишут в прессе,

сказал: «В мире не осталось независимых СМИ. Все они куплены нами, или нашими партнёрами. Может мне не надо Вам дальше объяснять, почему о нас они молчат?»

Уже наступило утро. Пора было будить сына в школу. Михаил подошёл к нему и очень нежно погладил его по голове.

– Мама? – вырвалось у ребёнка во сне.

Слёзы хлынули из глаз отца, и он быстро пошёл в ванную.

Когда вернулся, сынок уже одевался.

– Доброе утро, пап!

– Добро утро!

– Я уже не помню, чем закончилась твоя вчерашняя сказка?

– Тем, что добро победило зло, потому что иначе быть не может.

– И все будут жить долго и счастливо?

– Да, сынок! Бог не может допустить, чтобы в мире было столько страданий и горя. Всем воздастся по заслугам, и будет вечный мир и спокойствие в душе каждого из нас.

Произнося это, он безумно этого захотел, и вера в это зародила в его душе надежду, что именно так всё и будет.

Метаморфозы промежности. Роман

Глава первая

Началась эта милая и добрая история с того, что меня кастрировали! Как бездомного кота! Жена застучала с любовницей и разбила об мою голову недопитую нами бутылку шампанского. В результате чего я потерял сознание. Очнулся, и понял, что Казанова из меня теперь «так себе».

Лужа крови и лежащий в ней мёртвым мой верный дружок говорили мне, что в сексуальном смысле я представляю теперь интерес только для дружков Борьки Моисеева и Элтона Джона.

Болела голова, и хотелось очутиться в детском саду, где я всегда запросто показывал девчонкам своё достоинство. Они мне тоже показывали, что у них в трусах, но красоту и ценность увиденного тогда, я оценил только на выпускном вечере, когда одна из них мне всё-таки «дала»! Воспоминания меня вернули к жизни, и я вызвал «скорую».

Когда врач в клинике озвучил сумму за операцию, успех которой он не гарантировал, я понял, что помимо жены и любовницы мне придётся попрощаться и с машиной.

Дружка моего пришили, и он начал подавать признаки жизни. Мне специально кололи какую-то гадость, чтобы он не реагировал на молоденьких медсестёр, которые как специально выряджались в коротенькие халаты с умопомрачительными декольте.

Когда сняли повязку, на то, что творилось в моих трусах, было жутко смотреть. Бессовестные медсёстры сочувствовали мне, а затем, за глаза, дружно ржали, как лошади.

Дома меня ждали два собранных чемодана и записка: «Желаю счастливой интимной жизни!»

Все прожитые мной счастливые годы были засунуты туда, куда вставляются свечи от геморроя. Мир стал чёрно-белым, а моча красноватого цвета. Друзья на день рождения, от всей души, подарили мне резиновую женщину, с которой пожела-ли наладить добрые партнёрские отношения. В довершении всего от меня ушёл кот, видимо не выдержав издёвок коша-чьего сообщества.

Выхода из данной ситуации было два: или уходить мона-стырь, или становиться геем. Я выбрал третье: пришёл к вра-чу и сказал, что хочу поменять пол! Не, ну вы сейчас все ржё-те, а что мне оставалось делать? Мой, изувеченный на «кол-чаковских фронтах», писюнец никто не допускал до совер-шения полового акта. Даже проститутки, увидев моего изра-ненного малыша, уходили, возвратив мне деньги. Геем ста-новиться тоже не хотелось, хотя один раз довелось испытать на себе это «действие».

Случилось это на работе. Мой шеф, который руководил нашим коллективом, опостылел к бабам давно. По распределению, после института, он работал начальником участка в швейном цехе, где трудилось двести ударниц социалистического труда. Всё бы ничего, но дело было в Иваново, где мужики поодиночке ходить по улицам не решались. Толпы голодных баб, не имея в то время ни вибраторов, ни фаллоиммитаторов насиловали мужиков прямо, где придётся. Поэтому шеф вкусил прелестей женских тел в таком избытке, что на них у него перестал вставать. Так вот, узнав мою забавную историю, он стал часто приглашать меня в свой кабинет и проводить со мной беседы. Сначала это были размышления об оптимизации труда на производстве, затем проверка моей компетентности в тонкостях и возможностях нашего предприятия. После того, как он убедился, что я, в общем, чувак грамотный, мне намекнули о возможности назначения меня начальником отдела. Я обрадовался, так как это была первая хорошая новость со времён ампутации. Однако всё оказалось намного банальней. Однажды он пригласил меня к себе под конец дня в кабинет, где попросил ему помочь разобраться с технической документацией. Закончили с разбором бумаг только к восьми часам вечера, когда все уже разошлись по домам. Он спросил, не тороплюсь ли я куда и, получив отрицательный ответ, предложил «бахнуть по сто грамм коньячку». Скорее всего, эта падла мне что-то подсыпала, так как очнулся я от жуткой боли в заднице. Поняв,

что произошло, мне ничего не оставалось делать, как дотерпеть. Я не знаю, как эти геи (а хочется назвать их настоящим именем, которое они заслуживают) получают от этого удовольствие, но для меня свершившееся было таким кошмаром, что отойти от этого я смог только на третий день, взяв больничный. Придя на работу через четыре дня, я с удивлением узнал, что меня утвердили на должность начальника отдела. Также мне была выделена премия и служебная машина. Я отчётливо понимал, что взамен моя попка будет работать не только над проблемой вывода фекалий, но и совсем в другом, более интересном качестве. Тогда я решил, что ещё раз такого кошмара не переживу и пошёл к нему. Объяснив, что это «не моё», я попросил его меня уволить, или оставить в покое. Договорились, что я остаюсь на своём месте до тех пор, пока он не найдёт кого-то более сговорчивого. Целых полгода я работал как волк и сумел купить себе машину. Но нашёлся-таки человек, который решил снять свои проблемы через свой же задний проход. Я уволился и, пропив три дня, стал думать, как жить дальше.

«Счастливой семейной жизни у меня не получиться, – размышлял я, – кто же захочет жить с таким? Разве что кривая, косая, или хромая? Даже слепая на ощупь бы поняла, что к чему!»

Обременять себя тем, чтобы пожертвовать собой и жениться на женщине-инвалиде, я не был готов ни морально, ни физически. А спать с резиновой бабой было вообще от-

вратительно.

И тогда я решил, что надо поменять пол.

Глава вторая

Врач сказал, что сделает всё в лучшем виде. Предварительно всё обдумав и подготовив, я решился!

После операции я продал всё что у меня было и переехал в глухой городок в провинции, где меня никто не знал. Обжился и, через месяц, приехал в столицу, куда меня пригласил точно такой же экземпляр, как я. Правда, его стать тёткой заставили совсем иные обстоятельства, но это совсем другая очумелая история. Встретились мы в офисе, где располагалась штаб-квартира одной интересной организации, которая неплохо финансировалась из-за рубежа. Именно там меня сразу приняли как своего, так фирма эта занималась всеми представителями так называемого ЛГБТ-сообщества. Меня зарегистрировали и направили в «общину трансгендеров и транссексуалов». Милые девчонки, которым, как и мне, отрезали то, что болталось между ног, спокойно предложили сесть, расслабиться и рассказать о дальнейших планах. В конце концов ко мне в наставники(цы), определили Лолу, которая повела меня в отдельный кабинет и предложила выпить.

– Давно? – спросила она, показывая глазами на мою паховую область.

– Четыре месяца, – честно признался я.

– Покажи! – запросто попросила она.

– Зачем? – оторопел я.

– Затем, что в зависимости от того, как там всё у тебя сделал доктор, мы будем искать для тебя работу. Ты ведь за этим сюда приехал?

– Вообще-то, да!

– Ну, тогда давай, смелее. Поверь, что ничего нового я не увижу, а подсказать могу многое.

Ничего не оставалось, как опустить брюки и снять трусики.

Она надела очки, и принялась нагло осматривать моё «хозяйство».

– Одевайся, – сказала она, поднимаясь с колен, – всё понятно!

– Что понятно? – поинтересовался я.

– Налей себе ещё, садись и слушай. Разговор будет серьёзный и долгий.

– Я ещё не устроился нигде, – попытался я перенести всё это на завтра.

– Устроись в нашем хостеле, он здесь недалеко.

– Дорого?

– Для тебя две недели будет бесплатно, а дальше посмотрим.

Под её неусыпным взглядом, я налил себе виски, залпом выпил и присел на диван.

– Имя новое себе взял? – начала она.

– Послушай, Лола, у меня уже нет ни члена, ни яиц, поэтому я не он, я уже она!

– Так, давай по порядку. Наш закон не определяет объём медицинских вмешательств, требуемых для смены документов для трангейдеров. Более того, на практике, органы ЗАГС обычно отказывают в смене документов таким людям, как мы с тобой.

Поэтому, по закону, ты ещё, – она глянула в мою анкету, – Третьяков Александр Витальевич. Кстати, тебе повезло! У тебя имя классное – Саша! Подходит что для мужиков, что для женщин! Рекомендую не менять. Будешь Александра Витальевна.

– Погоди, я что-то не понял, у меня останутся те же документы?

– Пока – да! Это вообще отдельный разговор. Мы его отложим на потом. Ты сам поймёшь почему.

– Ладно, – согласился я, – что дальше?

– А дальше самое главное! Если ты собрался стать женщиной, чтобы от тебя текли слюни у мужиков, а мы стали называть тебя подругой, то тебе нужно многому научиться и осознать.

– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу помочь тебе определиться, чем ты собираешься заниматься, став женщиной, и для чего тебе это вообще нужно. Расскажи, что и как мыслишь, а я помогу! Это моя работа, я за неё получаю вполне приличную зарплату.

– Правда? А я думал, что вы тут так, на общественных началах.

– Нет, мы солидная фирма и никто не пожалел ещё о том, что обратился к нам. Итак?

– Если честно, Лола, я сам ещё не знаю как дальше жить. Просто я уже не мог жить так, как раньше. Обстоятельства так сложились.

– Я знаю твои обстоятельства. Ничего не обычного. Баба отомстила тебе. Теперь ты можешь отомстить ей.

– Нет, я не хочу ей мстить. Я хочу..., – тут я запнулся, не зная, что сказать.

– Хорошо, давай я тебе расскажу, как устроились девчонки, которые обращались к нам. Может, и ты воспользуешься их опытом. Но, для начала, я преподам тебе урок, что нужно знать, чтобы стать женщиной!

Глава третья

Первое, что нужно запомнить – без макияжа ни шагу! Будь ты трижды некрасивой, макияж всё исправит! Ты не поверишь, мы тут таких крокодилов пристраивали, что Баба-Яга по сравнению с ними была Василисой Прекрасной. Этому нужно долго и кропотливо учиться, но оно стоит того. Соблазнительный макияж и соответствующая одежда способны уложить в кровать любого мужика! Да ты, наверно, и сам помнишь на каких баб раньше засматривался. Только на эффектных. Женская красота – понятие условное. Грамотный макияж – не убиенный аргумент полового влечения и страсти. Глаза должны выражать страсть, щёчки стыдливо румянятся, бровки говорить одновременно и «да», и «нет». Ротик должен манить, все части его тела. Губки обязаны аппетитно намекать на то, что возможны варианты от стыдливого поцелуя, до глубокого минета. А всё вместе будет красноречиво шептать ему, что именно сегодня, и только для него нет ничего невозможного. Запомни это! Это аксиома, которая хотя и не требует доказательств, доказывается каждый день миллионы раз каждую секунду.

Второе – это одежда! Не путай с бельём! Бельё – отдельная тема. А одежда должна всегда соответствовать ситуации. Тут трудно давать рецепты, но нужно обязательно следовать одному старому правилу: «Женщина должна одеваться так,

чтобы мужчине хотелось её раздеть!» Красивые ноги – одевай мини, впечатляющая задница – натягивай облегающее, накачала сиськи – декольте до самого пупка. Всё, что заставляет оттопыривать брюки мужиков возле ширинки – подчёркивай и раскрывай, чтобы зазывало и мутило мозг. Всё то, что не аппетитно – прячь!

Третье – это походка! Врала Ахеджакова в «Служебном романе», что главное – походка. Если ты одета как чучело и на роже невнятная раскраска, то ты хоть как ходи, мужики не будут пускать слюни. А вот когда у тебя есть классный макияж и эффектная одёжка, то походка уже не главное! Но, немаловажно! Ты должна не ходить. Ты должна плыть так, чтобы у него и вёсла в его лодке встали. С большими бёдрами это не сложно, а вот у кого попка с кулачек, тут надо работать. Серьёзно работать, так как мужики смотрят на женщину сначала на лицо, а затем на попку. И если у тебя её нет – нужно просто меньше ходить. Акцентируй на том, с чем повезло. В твоём случае – на ноги. Ходить научим, а вот остальное зависит от тебя!

– Что ты имеешь в виду?

– Бриться тебе надо не только на лице! У тебя большие проблемы с волосатостью! Срочно на депиляцию! Всех частей тела! От волосатых баб мужики не в восторге. От волосатых баб они рыгают! Поэтому предупреждаю: будет больно до слёз, но всю растительность за три дня убрать! Без этого мы вообще с тобой работать не будем. Первый раз мы всё

сделаем за свой счёт, а дальше – крутись!

И последнее, но тоже очень главное – техника секса! Это сложно, и, в основном, неприятно. Но чем лучше у тебя будет с техникой, тем меньше времени эти животные будут в тебе! Понимаешь, о чём я?

– Не совсем?

– Коротко. Чем сильнее ты будешь стонать, чем грамотней будет двигаться твоя задница, чем быстрее ты научишься правильно напрягать мышцы в своей норке, тем быстрее мужики будут кончать. И, соответственно, тем выше на тебя будет спрос. Ты ведь хочешь зарабатывать этим?

– Да!

– Ну, тогда чем быстрее ты это всё освоишь, тем лучше. Осталось только выяснить к чему тебя готовить?

– То есть?

– То есть, или ты будешь девочкой по вызову, или ресторанной кобылой, или только с одним, но богатым. Везде есть плюсы, везде есть минусы.

– Расскажи, Лола!

– Так, – она посмотрела на часы, – ещё есть немного времени, так что слушай и запоминай, повторять никто не будет! Итак, начнём с ресторанных услуг. Первый плюс, он же последний: тебя накормят и обязательно неплохо расплатятся. Минусы: Во-первых, тебе придётся обслуживать пьяную скотину, у которой уже не работают мозги. Это влечёт за собой проникновение во все твои дырки, но это ещё не самое

страшное. Самое страшное то, что у пьяных мужиков, как ты помнишь, наверное, в этом состоянии проблемы с эрекцией и они очень долго кончают. Этот кошмар может длиться часами! Во-вторых, тебе обязательно сделают больно. Это у них забава такая – нажрут, и давай унижать хрупкую женщину, полагая, что именно она виновата во всех его проблемах. Так что могут и за волосы потаскать, или в морду дать. Но потом, когда отрезвеют немного, задарят тебя или деньгами, или ещё чем. Ну и третий минус: пьяные мужики, как правило, категорически не приемлют сношение в презервативе. Платят больше, но риск большой. Хотя, в основном, в кабаках сидят семейные мужики, тем не менее, презерватив ты на него не натянешь, да и собственно там обычно уже не на что натягивать. Они сразу пытаются тебя накачать в рот, ну а потом мусолят своё хозяйство по всем твоим закоулкам.

– Лола, я всё понимаю, но в рот я категорически никого не допущу!

– Боже мой, посмотрите на неё! Остынь! Без минета сейчас уже не бывает!

– Нет! Это я не перенесу!

– Да брось ты, целочку из себя строить! Привыкнешь! Ничего особенного тут нет!

– Лола! Давай не будем! Это не обсуждается! Если вариантов нет, тогда я ухожу!

– Ну, просто пипец какой-то! – она взяла сигарету, закурила и стала внимательно меня рассматривать, – Ты хоть по-

нимаешь, от чего отказываешься? Девки по пять штук зелени молотят за месяц! Пару лет потерпишь – и домик в Калуге купишь, ребёнка из детдома возьмёшь, и будешь спокойно жить и не тужить.

– Нет, деньги тут не главное!

– А что главное? Какая тебе разница, куда эти самцы похотливые будут свой сок в тебя сливать? Бабки взяла, помылась и забыла!

– Лола!

– Ну, смотри! Я хотела как лучше! А там как знаешь!

Она взяла со стола мою анкету и собиралась её мне передать, как вдруг остановилась и стала вчитываться.

– Значит, ты ещё документы не пыталась менять?

– Да!

– Тогда подожди, я сейчас кое-что выясню!

Она затушила сигарету, встала и вышла.

Глава четвёртая

– Значит так, Третьяков Александр Витальевич, – с порога начала Лола, когда зашла, – есть один неплохой вариант. Учти, что это последний твой шанс.

– Я понял, слушаю!

– У нас есть контракт с одной интересной фирмой, которая занимается предоставлением услуг нефтяным компаниям. Но только тем, кто работает на добыче нефти в море. К ним относятся так называемые морские буровые платформы. Они автономно работают в море, и в мире их сотни.

– Ты к чему всё это рассказываешь?

– А вот к чему. На таких платформах в мире трудятся около двадцати тысяч человек. Работают они только вахтовым методом. По двадцать, или тридцать суток.

– Ну и что? Я-то к этому какое отношение имею?

– Не дошло?

– Нет!

– Работать на платформах могут исключительно мужчины! Понимаешь?

– Нет!

– Ну, ты глянь на этого чувака с влагалищем! Пойми, что двадцать дней без бабы мужики не могут! Они вынуждены или искать товарища, чтобы подтверждать пословицу: «Лучше нет влагалища, чем очко товарища», или гонять «лысо-

го»! И то и другое не сильно радует работяг, которые пашут там как лошади. И тогда компания, о которой я тебе сказала, нашла гениальное решение: отправлять на работу в море одного из «наших». По документам – это мужик. Там он резко становится бабой, готовой за скромные 100 баксов раздвинуть ноги, между которыми находится не грязная мужская задница, а симпатичная киска. И тогда страдающие воздержанием мужики выстраиваются в очередь. Ты прикинь, рабочие в день до трёхсот долларов получают! Что ему стоит два раза в неделю отстегнуть по сто баксов. Теперь понятно?

– Ты хочешь сказать, – начал я.

– Я хочу сказать, что одни нужные люди сделают из тебя красавицу Шурочку, которая будет завлекать самцов, а другие подготовят Александра Витальевича Третьякова к экзаменам и прочим заморочкам для работы на морской платформе. Тебя оформляют каким-то там помощником бурового мастера, и ты вместе со всеми чешешь на буровую. Там тебя запирают в надёжном месте, ты превращаешься, как в сказке, в Шурочку прекрасную, и молотишь в три смены двадцать дней. Потом, вместе с бригадой, возвращаешься на отдых, а потом опять на вахту. Конечно, начальник смены будет получать за тебя зарплату и затыкать всем рты, но ты, я думаю, будешь довольна! И самое главное – ты будешь там одна! А вот тогда и ставь условия мужикам: «Ни капли в рот, ни сантиметра в жопу!» Понятно?

– Получается, что я буду целых двадцать дней без пере-

рыва лежать в запертой комнате и обслуживать всё население буровой?

– Если хочешь хорошо заработать, тогда – «Да!» Хотя тут есть варианты. Можешь объявить санитарный день, или взять выходной. Но это не приветствуется. Когда мужик захотел, то ему надо именно здесь, и именно сейчас. Вот тогда для него уже не имеет значение цена! Ну, что? Давай, соображай быстрее! Есть заказ – через десять дней на вахту. Всё нужно успеть!

И я решился! Трудно описывать то, что произошло за эти десять дней. Изнурительная эпиляция, работа с косметологом, с визажистом. Сауны, солярии маникюр и педикюр! И занятия. Технологии бурения, конструкции скважин, характеристики труб, керна и всякой прочей хрени так взъерошили мой мозг, что сдавая экзамен, и проходя собеседование, я путался, потел и бледнел. Наверно фирма давала «на лапу» принимающим экзамены, потому что я всё сдал, и меня приняли в бригаду. Медицинская справка – отдельный разговор. Рентген и анализы за меня сдавали другие люди. Венеролог был удовлетворён двумя бутылками коньяка, а остальные подписи собрал за полчаса один медик, знакомый Лолы. За день до отправления на работу Лола пригласила меня к себе.

– Готова, подруга?

– Готов!

– Так, поскольку ты сейчас будешь выступать в двух ро-

лях, я тебе приказываю: прежде чем отвечать на вопросы ты должна хорошо подумать и адекватно определить кто ты в данный момент: он, или она. Поэтому никогда теперь не торопись с ответом.

– Понятно! – ответил я.

– Теперь смотри, – она подошла к дивану, где лежали два чемодана, и открыла их, – здесь мужское, здесь женское. Завтра всё мужское оденешь на себя, а с собой возьмёшь только женский чемодан. Там есть всё, что тебе понадобится. По пути на работу будешь всегда идти с этим человеком, – она показала фотографию, – он всегда будет рядом. Он же проведёт тебя в твою комнату, он же проведёт инструктаж на месте. Из номера ни на шаг! Понятно?

– Боже, как в каком-то шпионском детективе!

– Хуже! Прогоришь – подставишь многих людей! Хотя в худшем случае тебя просто выгонят оттуда. Поймают – отморазивайся! Ничего не помню, как это получилось – не знаю и так далее. Вот мой телефон – запомни его, с собой не бери. Если что-то случится – звони! Всё, давай прощаться! Завтра в восемь за тобой заедут!

– Лола, скажи, если что-то пойдёт не так, сколько я должна буду вернуть фирме денег?

– Не думай об этом. Если всё пройдёт нормально, то когда приедешь – позвони, встретимся, обсудим. И не волнуйся! Не ты первая, не ты последняя. Никто с тебя никаких денег назад требовать не будет! Когда всё устаканится ты сможешь

нам вернуть все затраченные нами на тебя деньги, но только чисто добровольно, понятно?

– Понятно, но всё равно скажи, сколько вы на меня потратили?

– Не скажу! – Лола засмеялась. – Пока не приедешь с полными карманами долларов и евро, для тебя всё бесплатно! Мы обнялись, и я ушёл.

Глава пятая

Мой попутчик, когда мы прибыли на место, быстро проводил меня до комнаты под номером семь. Открыв ключом дверь, он запихнул меня во внутрь.

– Так, садись и слушай! – начал он. – Дверь без меня никому не открывать! Во всяком случае – пока. Никуда не выходить! Душ и туалет у тебя в комнате. Никакой музыки и звуков! Кушать тебе буду приносить тоже я. Мужики будут предлагать пить – не вздумай! Могут что-то подмешать. Стоять громко не надо! Захочешь выходной – скажешь! Всё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.